

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

ПЕРВЫЙ УДАР

Сергей Анисимов ★ Святослав Логинов
Владимир Серебряков ★ Андрей Уланов

**Андрей Уланов
Сергей Анисимов
Радий Владимирович Радутный
Владимир Серебряков
Иван Всеволодович Кошкин
Святослав Логинов
Игорь Васильевич Пыхалов
И. Бугайенко
Антон Птибурдуков
Вадим Шарапов
Ника Батхен
Первый удар (сборник)**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=281172
Первый удар (Сборник): Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-23840-8*

Аннотация

Говорите, история не знает сослагательного наклонения?

Уверены, что прошлое окончательно и неизменно?

Полагаете, что былое нельзя переписать заново?

Прочитайте эту книгу – и убедитесь в обратном!

На самом деле в партийной борьбе победил не Сталин, а Троцкий, и в начале 30-х годов прошлого века Красная Армия начала Освободительный поход в Европу, первым делом потопив британский флот...

На самом деле Великая Отечественная война была войной магической, в которой русское волшебство сошлось в смертельном бою с германской черной магией...

На самом деле американский бомбардировщик с первой атомной бомбой на борту был сбит японским летчиком-камикадзе...

На самом деле Александр Сергеевич Пушкин виртуозно владел самурайским мечом...

Звезды отечественной фантастики – Андрей Уланов, Сергей Анисимов, Владимир Серебряков, Святослав Логинов и др. – отменяют прошлое и переписывают историю заново!

Содержание

От составителя	4
Вадим Шарапов	5
1. Понедельник	5
2. Штрафники	8
3. Первый ход	10
4. Зачистка	12
5. Принеси меду	15
6. Закон пишат люди	21
7. Дед	25
8. Родина не забудет	30
9. Круг земной	36
10. Награда	45
11. Простая работа	49
12. За махорку	55
13. На то и война	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

А. Уланов, В. Серебряков, С. Анисимов, С. Логинов, В.Шарапов, А. Птибурдуков, И. Пыхалов, И. Бугайенко, Р. Радутный, Н. Батхен Первый удар (Сборник)

От составителя

Все помнят известный анекдот про Наполеона, который, увидев советские танки, сказал: «Если бы у меня была такая техника, я ни за что не проиграл бы при Ватерлоо». А затем, ознакомившись с советской прессой, добавил: «А если бы у меня были такие газеты, никто бы не узнал, что я проиграл Ватерлоо».

Насчет газет можно поспорить – будь они действительно такими, мы бы с вами жили сейчас в совсем другой стране... Но в анекдоте дано великолепное определение двум основным видам жанра альтернативной истории: это либо повествование о том, *что было бы, если...* – либо рассказ о том, *как оно было на самом деле*.

Предлагаемый читателю сборник фантастических повестей, рассказов и эссе посвящен альтернативной истории, и в первую очередь – истории военной. Ведь именно в истории войн чаще всего возникает вопрос: почему все произошло так, а не иначе?

Но как могло произойти иначе? Как бы обернулась история России, если бы Стенька Разин погиб под стенами Царицына в самом начале своего похода? Каков был бы итог Первой мировой войны, если бы германский флот одержал решительную победу над английским флотом еще в 1914 году? Наконец, как бы повернулась мировая история, если бы в политической борьбе внутри большевистской партии победил не Сталин, а Троцкий – и в начале тридцатых Красная Армия начала бы Освободительный поход в Европу?

Впрочем, задать вопрос – лишь половина дела. Гораздо труднее дать на него ответ, причем так, чтобы ответ этот оказался не только логичным, но и внутренне убедительным. Автор, работающий в жанре альтернативной истории, обязан не просто знать ход истории реальной – он должен разбираться в ее закономерностях, ясно представлять причины и следствия тех или иных событий, понимать, почему все произошло так, а не иначе. А последнее, в свою очередь, невозможно без ощущения эпохи, ее духа, аромата и вкуса. Это ощущение не дается простым чтением исторических трудов, оно возникает как некий сплав из художественной литературы тех лет, мемуаров современников, устных воспоминаний, кинофильмов и газетных статей – из всего, в чем отразилась эпоха, вплоть до костюма и архитектуры. И здесь история как наука вплотную приближается к художественной литературе, используя для исследовательской работы ее приемы и методы...

Среди авторов настоящего сборника есть как профессиональные историки, так и профессиональные писатели, обладающие весомым авторитетом в своих кругах. Но талант творца альтернативной истории не зависит от наличия научных степеней или литературных премий. Именно в этом жанре мастерство писателя и багаж историка оказываются неразрывно связаны друг с другом, превращая литературу в род научного исследования – и поднимая исследование до вершин литературы.

По крайней мере, я смею надеяться, что авторам данного сборника это хоть в какой-то степени удалось.

Вадим Шарапов

Простая жизнь старшины Нефедова

1. Понедельник

Все началось с того, что проверяя эшелон, старшина Степан Нефедов, комендант станции Черновилово, обнаружил неучтенный опломбированный вагон.

На крашенных зеленой краской досках не было никаких обозначений, кроме обычных меловых пометок, которые оставляют путевые обходчики. Но насторожило Степана не это. От вагона, забивая все другие запахи, плыла сладковатая трупная вонь, и между досками капала вода.

Вызвав патруль, старшина приказал сорвать пломбу. Дверь вагона отъехала в сторону – и один из патрульных, молодой парнишка, сразу же сблевал в пыль, цветом лица сравнявшись с досками. На полу теплушки аккуратными штабелями лежали мертвецы. Не люди. Белые волосы, узкие лица со смуглой кожей, длинные шнурованные рубахи, густо перемазанные кровью.

Вагон был набит черными альвами. Над дырами от пуль густо кружили мухи. Похоже, что раньше здесь был устроен ледник, потому что прелая солома, на которой лежали трупы, пропиталась водой. Эшелон простоял в тупике два дня, пока ремонтировали полотно дороги – рельсы неизвестно отчего покривились, шпалы вспучило, словно из-под земли прямо под дорогой пробивалось что-то большое. Когда раскопали насыпь, оказалось, что здесь невесть откуда взялся горячий ключ.

Полотно выправили, но поздно. Лед в вагоне уже растаял.

Нефедов побелел от злости. Солдаты, которые давно не видели старшину таким, притихли и отошли подальше от состава, не желая попадаться под горячую руку. Степан врезал по доскам кулаком так, что отлетела длинная щепка и в голос выматерился. Загибал он в десять этажей, не стыдно было бы такое послушать и корабельному боцману. На шум и ядренные матюги прибежал худой очкастый интендант – начальник эшелона. Он тихонько отвел старшину в сторонку и начал отчитывать за то, что ему сразу не сообщили о вскрытии вагона.

– Ты что, старшина!? – с ходу попытался он завершить спор, тыча пальцем в грудь Нефедова. – Ты знаешь, КТО за этим всем стоит? Немедленно закрой вагон и гони всех вон!

Закончить он не успел и выпучил глаза, потому что старшина, нехорошо улыбнувшись, аккуратно взял его за запястье, так что в руке щелкнули кости.

– Значит, будем на «ты»? – Нефедов аккуратно снял с плеча старшего лейтенанта невидимую ниточку. – Ясно. Ну и что ты, начальник? Перегрелся? Понимаешь, что сейчас на станции начнется, если кто-то узнает? Ты сам-то хоть одного живого альва видел? Вот то-то и оно... А здесь рядом их леса. Белые альвы испокон веков рядом со здешними местами обитают. Тебе, может быть, племена перечислить? Так я могу.

– Это же белые... – хрипло оправдывался интендант, пытаясь высвободить руку из клещей. Он почему-то сразу понял, что невысокий старшина – из тех, с кем лучше не спорить, и даже не вспомнил про свои звездочки на погонах.

– Белые, черные... Разницы нет. Ясное дело, здешние альвы этих ненавидят. Война прошла, лейтенант! По разные стороны фронта они дрались. Но это война! А сейчас что? Хочешь, чтобы здесь резня началась? Тебя, – Нефедов злился все больше, солдат от греха

подальше словно ветром сдуло, – тебя точно не отправят леса зачищать. Будешь в своей Москве сидеть, а здесь альвы сначала скот у крестьян порежут, а потом до детей доберутся. Ты видел, как они это делают?

Окончательно сникший «старый лейтенант» расстегнул планшетку и протянул Степану сопроводительные документы.

Оказалось, что прицепную теплушку к составу добавили еще в Восточной Пруссии, по личному приказанию товарища Василия Иосифовича Сталина – «для важных опытов государственного значения». Все нужные печати на бумаге стояли, и подписей тоже хватало. Комендант станции выдохнул сквозь сжатые зубы и поднял глаза к небу.

– А теперь непонятно кто будет за сорванную пломбу отвечать, – занудел над ухом старший лейтенант, почуявший, что раз старшина при исполнении, то можно требовать свое. Но голос его застрял в глотке, когда Нефедов бешено повернулся к нему, багровея шрамом на щеке.

– Знаешь что, лейтенант... Давай-ка, отойдем вон туда, – он показал за вагоны, – чтоб солдаты не слышали. Незачем им.

Интендант, глядя на него, как кролик на удава, замороженно покачал головой. Заведя его в тупик между двух теплушек, старшина закурил папиросу и спокойно сказал:

– Старлей. Не наше с тобой дело судить, как и зачем их в Москву везут. Но ты послушай. Если после этого здесь, в Черновиловских лесах пропадет хоть один ребенок... Тогда я приеду в Москву. И будь ты хоть из МГБ, я тебя найду.

Начальник эшелона побледнел еще сильнее, но взгляд, впервые за все время, не отвел.

– Ты, старшина, не пугай. За что и как ответить – я знаю. Самому эту погань в Москву не хочется везти. А что прикажешь – вилами их разгружать прямо здесь, может быть? Или хочешь наплевать на приказ?

Нефедов остыл и задумался. Поправив на ремне трофейный «парабеллум», он крепко выругался еще раз, помянув отсутствие на вагоне предупреждающей маркировки, – и махнул рукой.

– Есть такая идея. Тут рядом склады, два ледника есть. Бери своих, нечего им в карты резаться, – и пусть таскают. Носилки там же возьмут, сторожу пусть скажут, что я приказал. Вони меньше будет – спокойно до Москвы доберешься, а там, может, и по голове поглядят, за то что ценный груз сберег.

Избавившись от начальника эшелона, с облегчением юркнувшего в свой вагон, старшина прошелся вдоль вагонов, машинально сосчитав их количество. Думал он совсем о другом.

Понедельник и впрямь начинался хреново. Мало того, что всю прошлую неделю в лесах около узловой станции Черновилово безобразничали волколаки, от которых колхозники, оберегавшие пуще глаза каждую тощую коровенку, уже криком кричали. Дедовские заговоры от обнаглевших оборотней не помогали, а обеспечить зачистку в лесах было нечем – два запроса, посланные в город, вернулись с отказом. Людей не хватало, должен был приехать какой-то важный чин *оттуда*, и на охрану бросили почти всех свободных оперативников. Можно было кричать криком от безысходности, только лучше от этого не становилось.

Самым страшным и непонятным было то, что ночью в среду с погоста явился прежний комендант станции, еще весной сорок четвертого умерший от старых ран, и хрипя под окном, требовал у Нефедова вернуть ему именной пистолет и личные дела. Будь сейчас война, Степан бы принял это как должное. Но вокруг не было ни магов, ничего, хоть как-то похожего на пущенное исподтишка заклятье. Пришлось расстрелять мертвеца серебряными пулями, потратив предпоследнюю обойму – и собственноручно, поплевав на руки, зарыть издырявленное расплзающееся тело во дворе.

Кроме того, Степану жутко не нравилось, что Акулина, местная кликуша, ко всем своим беснованиям с падениями в церкви и выкликиванием имен тех, кто должен был в скором времени помереть, теперь добавила еще и еженощные полеты. Происходило это всегда одинаково. Молодая женщина вставала с кровати полночь, босиком выходила во двор, раскидывала руки крестом и отрывалась от земли, рыдая в голос. Ее пытались и опаивать, и привязывать к кровати полотенцами, которые рвались как нитки, – но все повторялось раз за разом. Сама Акулина поутру не помнила ничего, но старухи в очереди за сахаром и мылом судачили, что конец света уж верно близится.

Соседи Акулины пробовали было за советом подойти к попу Ефрему, но батюшка к этому времени окончательно одряхлел, перестал служить и все время проводил на лавочке у церквушки, греясь на солнце и тихо шепча псалмы Давида. Новый дьякон в селе и не появлялся, хотя известие о его назначении пришло еще месяц назад.

Все было плохо. Тревожная струна давно уже позванивала где-то в сознании, а сегоднешний эшелон окончательно укрепил Нефедова в одной мысли. Проходя мимо чертова вагона, где уже копошились солдаты с носилками, он терпеливо и молча дождался, пока они не разровняют колотый лед поверх трупов, и решительно приказал закрыть теплушку от греха подальше. Пломба была зажата по-новой, а дощатые стенки облиты лизолом для дезинфекции. После исполнения, старшина, морщась от резкого запаха, подмахнул химическим карандашом разрешение на проезд эшелона и за руку попрощался с обрадованным интендантом, который что-то торопливо обещал привезти, достать и прислать «из самой Москвы»...

Махнув рукой, старшина отвернулся и пошел в комендатуру, слыша за спиной тревожные свистки паровоза. Недоигранная шахматная партия с колдуном Панкратом была забыта. Степан шагнул, на ходу снимая с шеи серебряный амулет на цепочке. Он сжал его в кулаке и почувствовал, как острая грань прорезала кожу, впитывая выступившую кровь. Серебро начало нагреваться.

Пора было звать Своих.

2. Штрафники

Старшина Степан Нефедов хмуро смотрел на выгоревший подлесок, кутившийся черным дымком. Тарелка пришельцев пропахала почти километровый ров по молодому сосняку и взорвалась, воткнувшись в холм с одинокой узловатой сосной на макушке. Дымящаяся траншея медленно заполнялась талой водой.

– Не видать будет маслят здесь больше никогда, – негромко сказал за спиной кто-то из солдат. Нефедов обернулся и, еле сдерживая подступившую досаду, скомандовал:

– Без разговоров! По сторонам глядеть! Прохоров!

Он оглядел подбежавшего худого солдата с ног до головы. Потом, внезапно решившись, наклонился к самому уху.

– Слушай внимательно, Прохоров. Сейчас отправишься на станцию и прикажешь от моего имени радисту дать телеграмму. В областное НКВД, Зуеву. Запоминай: «Хрупкий груз прибыл, опасаемся за сохранность. Нефедов». Все ясно, рядовой?

Прохоров закивал головой на тощей шее. Потом, опомнившись, прошептал, заикаясь:

– Так т-точно, товарищ старшина, ясно.

– Выполнять! Аллюр три креста! – приказал старшина уже в полный голос, и солдат сорвался с места, бухая сапогами по лесной дороге. Степан проводил его взглядом. Из интеллигентных парнишка, отца с матерью еще в тридцать девятом расстреляли. За контакты с алиенами. Однако за парня лично хлопотал сам Зуев, говорят даже, что головой поручился Самому – и не зря. Ваню Прохорова воспитывали не папка с мамкой, которые вечно пропадали за границей, как ответственные работники торгпредства, а дед – из кержаков, потомственный знахарь, колдун, да охотник на всякую лесную нечисть и нежить. Потому, несмотря на внешнюю нескладность и худобу, был рядовой Прохоров жилист, вынослив, в бою бесстрашен. Знал все повадки зверей и умел в одиночку справиться даже с матерым оборотнем в полную луну.

«Не пропадет», – подумал старшина и отвернулся. Зачем– то поглядел на свои сапоги – грубой кирзы, мокрые, исцарапанные сучьями и колючками. Двое суток уже он не вылезал из этого чертова бурелома. Постепенно мысли Нефедова перешли на другое. Пора было заниматься главным делом.

* * *

Степан Нефедов повернулся на каблуках и обвел свой отряд твердым взглядом прищуренных глаз.

Мертвые стояли ровно, только чуть колыхались на свежем мартовском ветерке, словно большая серая шаль. Приглядевшись, можно было увидеть истлевшие гимнастерки, каски, пилотки... Кое-где зеленовато светились медали и солдатские ордена. Тусклые глаза неподвижно глядели на старшину. Он откашлялся – хоть и слыл Степан человеком бесстрашным, а все-таки что-то екало внутри, когда стоял лицом к лицу с нежитью, пусть и накрепко зажатой Железным Словом.

– Ну так что? – намеренно громко спросил Нефедов. Он прошелся вдоль призрачного строя, крепко вдавливая подошвы сапог в сырой песок. – Значит, готовы искупить нарушение приказа товарища Сталина за номером 227? Готовы смыть... – тут старшина чуть не сказал «кровью», но вовремя осекся, – ...смыть клеймо трусов, паникеров и дезертиров? Готовы с честью уйти на покой?

Строй чуть дрогнул – или это очередной порыв ветра снова качнул его. Ни слова не прозвучало наяву, но хор безжизненных голосов всколыхнулся в сознании старшины.

– Так точно...

– А раз так – слушай мою команду! Занять круговую оборону. Скоро здесь высадится подмога тем головастым, чью тарелку сбили летчики. И будет этой подмоги ох как немало. Так что, наша задача – не подпустить их, не дать забрать наш важный трофей, пока не будет подкрепление. Бой будет тяжелым, ясно? Ну ничего, – тут Нефедов усмехнулся, блеснув металлической коронкой, – двум смертям не бывать!

Он сделал паузу и резко закончил:

– Особенно в нашем с вами случае. Приступать к выполнению!

Серый туман развеялся и на поляне стало пусто. Но старшина знал – мертвые рядом. Ждут. И на этот раз не дрогнут. Он поглядел на хмуро привалившихся к сосне троих живых автоматчиков: всех, кого смог снять с охраны станции.

– Бакланов, Емелин – окапываться. Бы-ыстро! Лупащук – ты на холм. Следи внимательно, и чуть что – стреляй на поражение.

Потом Нефедов уселся на пенек и стал ждать, то и дело поглядывая на треснувшее стекло своих наградных часов.

Минутная стрелка двигалась удручающе медленно. Скорее бы уж.

3. Первый ход

Хрустнуло, зашуршало что-то за окном, словно кто-то большой продирался через кусты сирени. Степан Нефедов оторвался от шахматной доски и вопросительно глянул на замершего напротив колдуна Панкрата. Тот сидел, словно неживой, – казалось, и не дышит даже. Только глаза под нависшими седыми космами светились остренькими желтыми огонечками. Не поймешь его – слышал что-нибудь, нет ли. На лице у колдуна ничего не прочесть. Тем более, что нету у Панкрата никакого лица – клубится под рваным башлыком серая муть, так что порой даже привычному человеку становится не по себе.

А непривычных к Панкрату на станции Черновилово нету – да и с чего бы, ведь жил он здесь задолго до того, как протянулась через дремучие леса и болота тонкая нитка железной дороги. Еще первые поселенцы – солдаты с бабами и детьми, согнанные сюда аракчеевским указом, пугали им своих детей. Пока не поняли: пугай не пугай, а Панкрат вот он, живет рядом, в лесной берлоге, в дела людские не суется, но и к себе близко не подпускает. А уж когда излечил он умирающую от оспы девчущку и благодарная мать в ноги колдуну пала – тут-то и вовсе местные стали считать колдуна за Лесного Хозяина, кланяться ему при встрече на узкой тропинке и оставлять лыковые корзинки с немудреной деревенской снедью на пеньке рядом с обомшелым входом в его обиталище. Панкрат молча дары принимал. Живого слова от него доселе никто никогда не слышал, но понимали, что раз живет и не уходит – стало быть, доволен.

После революции Советская власть в лице присланного из Петрограда продкомиссара Иденбаума захотела было Панкрата искоренить как суеверие, которое в освобожденной от религиозного мракобесия стране существовать не должно. Сутуловатый, черный как грач комиссар в треснувшем пенсне бесстрашно пришел в пещеру колдуна и долго с ним о чем-то беседовал, оставив сопровождавших продармейцев жариться на солнышке посреди поляны. Спустя час Иденбаум вышел и, придерживая деревянную кобуру маузера, поспешно пошел прочь. Был он бледен и молчалив, не отвечал на расспросы. Вернувшись в Черновилово, продкомиссар закрылся в кабинете начальника станции и долго терзал старенький телефонный аппарат, накручивая ручку и крича в эбонитовую трубку сорванным голосом. Потом собрал свой продотряд и уехал восвояси. Долго еще судачили по избам мужики, что такого сказал Панкрат большевику, а только с тех пор и подразверстки и другие напасти обходили деревню стороной – как отрезало. Останавливались на станции эшелоны – что верно, то верно, а больше ничего не случалось.

Вторая война с германцем повымела точно железной метлой всю мужскую половину Черновиловки. Домовые, повылазив из запечных нор, с тоской глядели вслед уходящим хозяевам, а кикиморы, обнявшись с бабами, ревели навзрыд, выплескивая вслед воинам воду из чугунков – на добрую дорожку. Многих не досчиталась деревня. Все знали – кто найдет поутру у себя на крыльце красный, словно кровью оставленный отпечаток лапы, похожей на петушиную, только с двумя задними пальцами, – в ту избу, стало быть, солдата не жди, не вернется.

Поговаривали, что так колдун Панкрат предупреждает жителей, посылая своих скорбных вестников вперед военкомовских извещений. Однако и помогал в эту лихую годину деревенским старый колдун немало. Молча выслушивал приходящих на поклон девок и старух, совал в руки кожаный мешочек с измельченными травами и поворачивался кряжистой спиной. Как быть дальше, знали все – достань в полночь, снявши нательный крест и повернув образа ликами в стену, зелье Панкратово, да всыпь его хоть в питье больному, хоть по земле развей в нужном месте. И вставала на ноги единственная кормилица-коровенка, горячка вмиг оставляла заболевшего мальчика, на скудном огороде невиданно урождалась кар-

тошка. Но знали все – иди к колдуну, только если нужда и горе уже так придавили – хоть плачь. Иначе только отвернется и пропадет в своей берлоге.

Неизвестно отчего, но только вдруг глянулся старому колдуну демобилизованный комендант станции. Старшина Степан Нефедов мужиком оказался хозяйственным, молчаливым и спокойным. Семьи не имел, жизнь вел холостяцкую, но опрятную и каждое утро, строго в семь часов уже стоял у окна, выскабливая подбородок источенной золингенховской бритвой и насвистывая при этом затейливую мелодию. Правая щека старшины, глубоко располосованная при штурме катакомб Кенигсберга, когда на отборных солдат генерала Черняховского из глубин лезла древняя чудская жуть и вызванные черными ритуалами гули, бритью поддавалась плохо – отчего он каждый раз незлобиво матерился.

Однажды утром мимо окна проходил по неведомым своим делам Панкрат. Опустив бритву, старшина Нефедов уважительно окликнул его, а когда два желтых глаза неподвижно глянули сквозь клубящийся морок, не осекся. Только помолчал, но тут же предложил... сыграть в шахматы. Местный пьянчуга Мирошка, коловший неподалеку дрова за стакан самогона, потом божился, что Панкрат гулко рассмеялся и качнул головой в рваном башлыке – да какая ж вера такому дрянному человечешке может быть? Однако врал Мирошка или нет, а с тех пор колдун зачастил в комендантский дом. И ради Панкрата на столе у Степана всегда стояла шахматная доска с расставленными фигурами. По-прежнему ни единого слова не произнес Лесной Хозяин. Но когда в чащобе под Черновилово объявились германские альвы-диверсанты, которые навели смертную порчу на местную скотину, Панкрат сам пришел к Нефедову и молча вывалил из мешка на дощатый пол четыре срезанные под корень остроухие головы.

Обо всем этом размышлял старшина и сейчас, неторопливо переставляя коня, чтобы съесть чужую пешку.

Колдун напротив пошевелился, зашуршали лохмотья. И внезапно комендант станции вдруг почувствовал смертную тоску – так, что колени его ослабли и пальцы, судорожно вцепившиеся в резную фигурку, вмиг заledenели. Словно тень метнулась за отворенным окном, да такая, что между лопаток у Нефедова потек холодный пот и в сердце заколол десяток тонких иголок. Выпавший из руки конь стукнул о доску, но Степан уже и думать про него забыл. Потому что увидел, как напротив медленно и страшно поднимается во весь немалый рост колдун Панкрат. Нечеловеческие его глаза светились теперь совсем невыносимо, ярко, точно оранжевые фонари, воздух в комнате стал невыносимо горячим. Хрустнула под тяжелой ороговевшей ладонью столешница. Колдун поднес к капюшону руку, рванул завязки ворота, словно что-то его душило. Степан стиснул зубы, нашарил на подоконнике рукоять пистолета. И в этот миг колдун заговорил. Тяжело, тускло падали из клубящейся мглы скрежещущие слова, будто тот, кто их произносил, делал это через великую муку.

– Сте-пан... Идет... Она... Вели-кое Зло и-дет... Ты неупокоенных подымал... Что-бы врагов одо-леть... А с ни-ми и Она... Теперь жди... Помо-гу чем могу...

Голос Панкрата был невыносим – не живой, не мертвый, он резал уши как лезвие ножа. И вдруг смолк.

Старшина Нефедов убрал онемевшие пальцы с рубчатой рукояти.

Обугленная скамья напротив него была пуста. В окно пробивался первый рассветный луч солнца, и где-то на ветке звонко щелкала беспечная синица.

4. Зачистка

Грязной рукой с обломанным ногтем он выковырял из смятой пачки сырую трофейную сигарету. Пару раз щелкнув колесиком самодельной зажигалки, глубоко затянулся. И тут же закашлялся – надсадным глухим кашлем, выворачивающим наружу легкие. Дерьмо, не табак. Бросил окурочек под ноги, где на дне окопа под гнилым деревянным настилом чавкала грязь и стылая вода, валялись ржавые консервные банки и размокшие бинты, оставшиеся от старых боев.

Лес молчал.

Степан пристроил локти за осыпавшимся бруствером, внимательно оглядел опушку через штатный прицел карабина. Кусты стояли непроглядной стеной – черт его знает, что там сейчас творится. Разведгруппа, посланная командованием, еще прошлой ночью уползла через проволочные заграждения – Степан сам помогал им подгонять снаряжение, раскуривал самокрутку на дорожку. И ни слуху ни духу.

– Рядовой Нефедов! – сзади негромко окликнул его капитан Рыбаков, сидевший на чурбаке и что-то быстро писавший, подложив планшетку на колено. – Иди сюда. Что там от разведки слышно?

– Ничего, товарищ капитан, – крутанул головой Степан. – Ушли – и точка. Словно сгинули.

– Н-да... – пробормотал капитан, сдвинув на затылок фуражку и открывая незагорелый лоб, пересеченный полоской бинта. Он еще раз посмотрел на листок, дописал пару строк. Потом сложил и протянул рядовому.

– Вот что, Степан. Передай это донесение полковнику. Ждать мы больше не можем, завтра полнолуние. Так ему на словах скажи. Да не робей перед погонами, Иванцов поймет, мужик свой. Он уже с утра ждет, три раза вестового присылал.

– Знаю, – буркнул Нефедов, засовывая листок глубоко в нагрудный карман. – Я с ним с сорок первого воюю, он тогда еще майором был, в разведбате вместе...

– Тем более, – капитан уже думал о другом. – Давай, Степан, отправляйся.

Назад Степан Нефедов вернулся уже к закату. Дружок, Сашка Беляев, молча пододвинул ему котелок холодной «шрапнели» и вернулся на свое место – к брустверу, следить за не по-доброму притихшим лесом. Но Степану было не до еды. Он разыскал капитана и передал ему короткий приказ Иванцова.

– ...Значит так, бойцы. Слушать меня внимательно!

Рыбаков устал, поэтому говорил, еле шевеля губами. Которую уже ночь он совсем не спал и черные круги под глазами становились у капитана все шире.

– Начинаем операцию по зачистке этого района леса приданными нам силами совместно с частями Московской Патриархии. Времени нет, до утра ждать нельзя. Карты местности будут у каждого закреплены в памяти. Внимание! По данным одной из разведгрупп, в лесу находятся развалины старого погорелого монастыря. Что это значит – объяснять никому не надо. Операция начинается ровно в двадцать ноль-ноль. Приступить к подготовке!

Степан помрачнел. Он без всякого аппетита жевал холодную кашу, думая о том, что единственная вернувшаяся разведгруппа на самом деле не сумела доставить ни одного пленного, вдобавок потеряв при этом двоих своих, сгоревших в пыль вместе с освященными берегами. Еще одного пришлось выносить на себе – обезумевший, он непрерывно кричал: «Тень в подвале! Тень в подвале!», – пока ему не заткнули рот тряпкой и не связали. Сейчас он мычал и извивался в блиндаже.

Отец Петр из «патриаршего взвода», настоятель Свято-Апостольского монастыря, спокойно раскрыл Евангелие и стал вслух читать из Деяний Апостолов, обходя мрачно замер-

ший строй. Вслед за ним шел молодой служка, окропляя бойцов святой водой. Священник рисовал солдату на лбу углем восьмиконечный крест и вкладывал в руку пистолетную обойму с черными патронами, где на каждой гильзе было фабрично оттиснуто «Да воскреснет Бог и расточатся врази его». Потом, после напутственной молитвы, все как-то враз кончилось. Капитан Рыбаков еще раз коротко оглядел бойцов и отдал тихую короткую команду. Нефедов, как и все остальные, молча вышагнул из окопа и пошел вперед, шурша долгополой зеленой курткой.

И на самой опушке их взяли в тяжелый оборот.

Сначала из лесного сумрака возникли юркие черные твари, которые молча бросались на солдат, но тут же рассыпались яркими искрами, едва касаясь формы. Сжав зубы, Степан пару раз отмахнулся стволом карабина, не замедляя хода. Двоих полусформировавшихся оборотней, найденных по острому запаху логовища, прикололи серебряными кинжалами чернецы.

На этом удача кончилась. На левом крыле вдруг заорали истошно, заматерились, лесную тишину разорвали гулкие беспорядочные очереди – стреляли куда попало, без перерыва, пока вместо выстрелов не послышались щелчки бойков. И крики – тягучие, уже нечеловеческие. Так кричат от страшной боли, когда разум уже отказал, остались только нервы и агонизирующая плоть. Степан рывком отбросил карабин за спину и выдернул из-за голенища длинный кинжал, блеснувший черненым серебром.

– Не рассыпаться! – надсаживаясь, заорал капитан Рыбаков. – Отходить с флангов!

Из-за деревьев уже виднелись заросшие развалины. И оттуда, из подземных щелей, из обрушенных проемов окон молча лезли ссутулившиеся фигуры в обрывках истлевших одежд. Самым страшным было то, что некоторые из них сжимали в иссохших руках новенькие немецкие автоматы. И стреляли. Пули цвиркали над головой, по кустам, отбивали кору с деревьев. Рядом всхрипнул и умолк, заваливаясь в мох, Сашка. А мертвые монахи, неизвестно чьей волей поднятые из пепла столетнего пожарища, двигались, дергаясь, как марионетки. Нефедов выматерился, заметив, как сбились в кучу и побледили необстрелянные солдаты из последнего пополнения.

– Стоять! Ты куда, сволочь?! – схватил он за воротник тощего паренька с круглыми от ужаса глазами. Карабин тот волочил за ремень, как палку, – дулом по земле. Нефедов ударил его кулаком по зубам, паренек всхлипнул, но продолжал вырываться из рук.

– Ботва деревенская! Стреляй, в господу душу мать, если штыка нет! – следующая зуботычина привела солдата в чувство. Он вскинул карабин. И тут Степан упал, сбитый с ног тяжелым мохнатым телом, прямо над ухом скрежетнули по металлу каски длинные клыки. Дико заорал рядом молодой, снова бросивший карабин и закрывший голову руками.

– Хха... – хрипел Степан, ворочаясь под смрадной тушей. – Вре-ешь, сука... Вреешь...

Чувствуя, как рвется и трещит несокрушимая ткань куртки, он по рукоять всадил заговоренный дедовский кинжал в горячее брюхо и провел булатом долгую смертельную черту. Хрустнуло чужое мясо, расступаясь под ножом и зашипела на серебре нечистая кровь. Рык умирающего оборотня почти оглушил Нефедова – он рванулся и вытянул свое жилистое тело из-под твари. Оглянулся по сторонам. Рядом дергал ногами в грязных сапогах давешний паренек, у которого на разорванной шее уже не было головы.

– Бляя-а! – прошипел рядовой, сам щерясь не хуже волка. Но про смерть трусоватой деревенщины тут же забыл. Хуже было то, что шагах в пяти, прислонившись к сосне и стреляя из «Токарева», стоял капитан, зажимая другой рукой грудь. Из-под пальцев по куртке расплзлось алое пятно. Прострелив голову обгорелому трупу, Рыбаков сполз вниз. Увидев метнувшегося к нему Степана, он разлепил губы и выдохнул:

– Степан. Где отец Петр. Найди. Его. Нельзя. Чтобы побежали. А то всем конец... – и уронил голову в мох.

Священник обнаружился впереди, почти у самых развалин. Он спокойно стрелял, окруженный четырьмя оставшимися иноками. Черные фигуры, покрытые коркой обгорелой кожи падали, но на их место вставали другие. Отец Петр неразборчиво крикнул что-то, сверкнув белыми зубами на запорошенном сажей лице.

И тут Степан Нефедов, бывший командир разведвзвода, а ныне – обиженный начальством штрафник, рванул на груди ворот рубахи. Страшный матерный рык из его груди, на которой мотался медный крест, перекрыл автоматные очереди.

– Слушать мою команду, так вашу перетак, труссы, сволочи! За мной, в Иисуса Христа и товарища Сталина! Режь блядским тварям поджилки, мать их!.. – и рванулся вперед, не пригибаясь и отведя в сторону руку с потускневшим кинжалом. За ним из-за деревьев, медленно, а потом все быстрее, бросились бойцы, побросав карабины и выдирая из чехлов штыки и саперные лопатки.

И началась резня. Твари умирали молча, молодые волколаки визжали под ножами, а люди коверкали рты матюгами и богохульствами – человек не архангел, а в бою все дозволено. Степан, глаза которого заливала кровь с распоротого лба, резал и колот, не чувствуя даже, как на плечах повисло сразу несколько мертвецов. Он таскал их по поляне, обрубая обгорелые пальцы и прикрываясь чьим-то торсом от выстрелов.

И вдруг тяжесть со спины упала. Кто-то толкнул Степана живым, упругим плечом, коротким хватом, словно кузнечными клещами, остановил его руку в замахе и пробежал вперед. Рядовой крутнул головой туда-сюда, смахивая с ресниц капли крови. Из леса молча появлялись здоровенные мужики в пятнистой форме, со странными короткими ружьями. Один из них на глазах Нефедова встретил кинувшегося наперехват волколака выстрелом, который разметал клочья паленой шерсти и дымящего мяса в разные стороны.

Батальон СМЕРШ подоспел вовремя.

Степан, чувствуя, как ноги подкашиваются, опустил клинок и сел прямо на мохнатый труп, трясущейся рукой шаря по карманам кисет с табаком. Он уже не оборачивался на редкий стук выстрелов и равнодушно глянул, когда мимо него протащили, заломив локти вверх, схваченного в подвале эсэсмана-инвольтатора. Волоча ноги, по поляне бродили уцелевшие солдаты, собирая карабины, и отец Петр читал благодарственную молитву.

На плечо штрафника опустилась тяжелая ладонь. Он обернулся и поднялся, морщась от внезапной боли в прокушенной насквозь щеке. Перед ним стоял полковник Иванцов.

– Товарищ полковник... – начал было Степан, но Иванцов отмахнулся широкой, как лопата, ладонью. Глядя в лицо Нефедову светлыми, почти прозрачными глазами, он помолчал. Потом тяжело усмехнулся.

– Вольно. Благодарю за проявленный героизм... старшина Нефедов. И пойдем со мной, Степа. Выпьем за победу и за помин души твоего капитана. А потом поможешь мне наградные листы писать.

Степан кивнул и пожал протянутую руку.

– Я сейчас, товарищ полковник. Только карабин подберу.

5. Принеси меду

– Тхоржевский! Казимир! Рядовой Тхоржевский!

Казимир встрепнулся и открыл глаза. Сверху сыпалась земля. Откуда? Но тут же он взглянул наверх и все понял. На краю ямы, из которой местные хуторяне брали песок для всяческого строительства, высилась угловатая, точно вырезанная из твердого картона, фигура лейтенанта Васильева.

– Тхоржевский!

– Я, товарищ лейтенант! – Казимир вскочил, подхватывая винтовку, ремнем обвившуюся вокруг левой руки. Лейтенант несколько секунд разглядывал его – сверху вниз, точно раздумывая, стоит ли вообще говорить с обычным солдатом в грязной шинели, только что поднявшимся от неуставного сна. Потом махнул рукой.

– Слушай, Казимир, – лейтенант протянул откуда-то из-за спины большую жестяную банку из-под растительного масла, которое в войну присылали по ленд-лизу. – Ты вроде говорил, что дед у тебя когда-то в этих краях пасечником был?

– Да, товарищ лейтенант, – Тхоржевский грязным кулаком потер лицо, и лейтенант снова про себя отметил, какой же все-таки этот солдат худой и нескладный. – Точно, был дед пасечником. Мать рассказывала, что вроде как и сейчас даже есть. Только не видел я его давно, деда-то. Знаю, что живет здесь, даже пройти смогу, а вот есть там сейчас пасека или нет – наверняка не скажу. Извините.

– Ничего. Раз сможешь пройти, то и хорошо. Все же родная кровь, верно? Дед тебе не откажет.

– Вы о чем, товарищ лейтенант?

– Слушай, Тхоржевский... Я ж тебя не в службу, а в дружбу прошу – хотя сам понимаешь, мог бы и приказать как офицер солдату и подчиненному. Но я тебя прошу... Казимир, принеси меду, а? Без сладкого уже и жизнь не в радость. Больше здесь нигде не достать, а спросишь кого-нибудь – молчат как мертвые, только головами мотают, как будто не меда прошу, а чего-то непонятного. Достань меду, рядовой, а?

– Давайте банку, товарищ лейтенант, – Тхоржевский протянул руку и Васильев со смешанным чувством облегчения и легкого стыда сунул ему в пальцы жестянку. Казимир зачем-то осмотрел ее со всех сторон. Блестящий ребристый корпус банки показался ему чем-то вроде немецкой мины: такая же, с виду тихая, но изнутри – смертельно опасная. Бодрясь, он подкинул банку в руке и улыбнулся.

– Все в порядке, товарищ лейтенант. Будет мед! Так я пойду?

– Иди, – махнул рукой Васильев, уже глядя куда-то в сторону. Но, видимо, он увидел что-то такое, от чего его лицо мгновенно изменилось, и он торопливо пробормотал:

– Стой! Погоди!

Казимир, уже двинувшийся было в сторону леса, замер. Сзади по траве зашуршали чьи-то тяжелые шаги. Пыхнуло дымом, едкая вонь крепкого самосада обожгла Казимиру ноздри. Не оборачиваясь, он судорожно подтянул ближе свою потрепанную «трехлинейку». Шаги приблизились и замерли.

– Товарищ лейтенант, вы далеко отправляете бойца? – спросил старшина особого взвода Степан Нефедов. – Извините, что интересуюсь, сами понимаете – бдительность нам велели проявлять, да и леса тут беспокойные.

Васильев досадливо поморщился, но возражать не стал. Нефедов был хоть и младше по званию, но связываться с ним не хотелось. Особый взвод, под личным контролем полковника Иванцова, выполнял такие задания – даже думать не хотелось, с чем сталкиваются в глухих лесах эти битые жизнью мужики, собранные со всех фронтов. К тому же старшина был

у Иванцова на особом счету, старый знакомый. Поэтому сейчас Васильев медленно повернулся и сказал, не глядя в глаза Степану:

– Я попросил рядового Тхоржевского сходить к родственникам, они тут на хуторе живут. Ничего срочного, старшина.

– На хуторе? – старшина глянул в лицо Казимиру – словно бритвой полоснул, – Интересно как... Слушай, Тхоржевский, что ж ты мне не говорил-то об этом? Мы тут землю роєм, информаторов ищем, местных долдонов деревенских расспрашиваем, которые двух слов связать не могут. А у тебя родственники, значит?

Лейтенант, видя, как парень испуганно мнетя с ноги на ногу, вдруг почувствовал глухое раздражение, сменившееся злостью на чересчур дотошного старшину и на себя, который не может осадить его и поставить на место. Он решительно шагнул вперед и встал между старшиной и Казимиром.

– В чем дело, Нефедов? Я, конечно, понимаю, что вы из особого взвода, но кто вам полномочия дал допросы устраивать? Пусть этим смершевцы занимаются, а ваше дело – ловить всякую нечисть, так?

Секунду Степан Нефедов с непонятым выражением на лице глядел на Васильева. Потом чуть усмехнулся и опустил голову.

– Верно говорите, товарищ лейтенант. Наше дело такое. Стреляй да лови, больше ничего. Разрешите идти?

– Идите, старшина, – внутренне довольный Васильев повернулся на каблуках, – и вы, рядовой Тхоржевский, идите. Все ясно?

– Так точно! – козырнул Казимир и вскинул ремень винтовки на плечо.

В лесу было прохладно и необычно тихо. Солнце здесь кое– как пробивалось сквозь лапы старых елей, до земли обросшие длинными бородами черного мха. Тхоржевский вспомнил, что в этих местах всегда было мало птиц, непонятно почему. Ни щебета не слышно было, ни гнезд, которые так любят зорить деревенские мальчишки, по пути не попалось.

Пробираясь по заросшей лесной дороге, по которой еще до войны хуторяне возили товары на ярмарку, он постепенно пришел в хорошее настроение, хотя и мрачнел каждый раз, как вспоминал колючий взгляд старшины. Умный мужик этот Нефедов, ничего не скажешь, лейтенант против него кажется просто пацаном. Казимир невесело улыбнулся, вспомнив, как однажды старшина на спор в одиночку вышел против пятерых своих же, из особого взвода, и как здоровенные мужики мячиками разлетались по траве, когда Нефедов вытворял над ними свои почти неуловимые взглядом приемы. Против такого не попрешь – будешь потом, дурак дураком, лежать вот так же, носом в пыли.

Думая о том, о сем, Казимир и не заметил, как оказался на развилке. Заросшая широкая дорога по-прежнему уходила вперед, зато в сторону от нее тянулась еле видимая тропочка. Не знай он этих лесов сызмальства, так, пожалуй, и не заметил бы. Раздвигая кусты банкой, парень свернул на тропинку и уверенно пошел вперед, одними губами проговаривая про себя странные слова чужого языка, непонятные, но накрепко затверженные с детства. Перед ним за клубился синеватый туман. Хищный, словно бы живой, он тянул свои языки к лицу и холодом пропитывал гимнастерку – но, повинувшись неслышимым словам, расступался, подталкивал в спину, словно бы даже говоря: «Иди! Не бойся!».

Казимир не боялся. Шаг за шагом он пробирался сквозь туман – и вдруг все разом закончилось. Он стоял на залитом солнцем лугу, за спиной высился строй елей, а тропа – чистая, не заросшая – вела к большому, просторно рубленому из толстых бревен дому, огороженному высоким забором. Рядом с домом были понатыканы желтые коробочки ульев. Дедовская пасека. А вот и он сам, разогнул спину от пчельника и смотрит из под ладони, приставленной козырьком. Как всегда без накомарника и дымника. «Пчела, она не пуля. Уку-

сит, бывает, да не со зла. А если к ним подход знаешь, так и не укусит никогда», – еще маленькому Казiku повторял дед, когда брал на руки и подносил к улью.

– Дедушка! – крикнул Казимир и бегом побежал к высокому человеку в черной рубаше.

– ...Ну надо же, и впрямь Казик, – приговаривал дед уже в доме, в который уж раз ероша Казимиру волосы на голове своей мозолистой ладонью с длинными и не по-крестьянски тонкими пальцами. Он сидел напротив, за широким столом, по-хозяйски откинувшись на резную спинку старого дубового кресла. Зато бабушка, радостно-смущенная и совсем потерявшаяся от неожиданного появления внука, все ахала и суежилась, не зная, как лучше принять дорогого гостя, пока дед не прикрикнул на нее как бы в шутку:

– А ну-ка, пани Анна, сядьте уже и не мельтешите вокруг!

Казимир оглядывался вокруг, вспоминая, как давно не был здесь.

Но ничего не изменилось. Изнутри дом выглядел все так же – совсем не деревенским хутором. Потемневшие портреты предков, шляхтичей Речи Посполитой; сабля-карабела в простых черных ножнах, цепью прикованная к стене. Бабушка Анна поставила перед внуком большой железный кубок, полный до краев.

– Выпей с дороги, внучек, – улыбнулась она, и Тхоржевский тут же подхватил холодный кубок со стола и, не колеблясь, выпил до дна. В голове приятно зашумело, старый вкус домашней наливки сладко прошел по горлу.

– Отчего так долго не появлялся, Казик? – спросила бабушка, но дед тут же прищелкнул на нее:

– Ишь, какая! Не видишь разве – солдат он, человек на службе государственной. Да и война была большая. Куда ему появляться-то? Это мы с тобой здесь сидим в глуши, ни о чем не тревожимся, а Казимир – дело молодое у него. Нынче здесь, завтра там!

– Да я что ж... я же понимаю, – чуть всхлипнула бабушка, но тут же отерла глаза кружевным платком и улыбнулась. А дед уже вставал из-за стола, чуть сутулясь и застегивая у горла янтарную пуговицу рубахи.

– Пойдем-ка, внук, во двор. Ты ж вроде за медом пришел? Вот пчел и навестим...

Во дворе дед остановился, да так резко, что Казимир от неожиданности налетел на его широкую и твердую как камень спину. Потом он обернулся, и солдат глянул в его молодому холодные и веселые, со странной красноватой искоркой, глаза.

– Вот что, Казик. Ты никому про нас не говорил?

– Да что ты, дедушка, – не отвел твердого взгляда солдат, – ни одной душе, ни живой ни мертвой не говорил ни слова. Ни к чему им знать.

– Это и верно, – Болеслав Тхоржевский качнул головой и одобряюще сжал плечо внука холодными пальцами, – ни к чему.

Слышал я, по окрестным лесам бродят ваши, все доискиваются, что да как.

– Это, дедушка, люди из особого взвода. Они на зло чуткие, оборотней вырубают под корень и прочую нечисть, которая от немцев осталась и людям покою не дает. Тяжелая работа у них. А до хуторян им дела нет. Да и туман не пустит...

– Как знать, – задумчиво протянул дед, заложив ладони под кожаный пояс с подвешенным к нему широким ножом. – Как знать...

Потом он махнул рукой и рассмеялся.

– Ну, что-то я разворчался, старый черт. *Co zanedto, to nie zdrowo*,¹ как у нас говорят. Пойдем, Казик, за медком.

На пасеке дед ловко управлялся с ульями, не обращая внимания на гудевших вокруг пчел. Да и Казимиру не было до них дела – с детства привык, что гудят, да не кусают. Тягучий мед стекал в корчагу (банку дед Болеслав пренебрежительно повертел в руках и кинул в

¹ Что-то вроде «Много думать вредно» (польск.).

сторону: железяка только вкус меда испортит), сладкий аромат плыл над пасекой, смешиваясь с запахами нагретого солнцем травостоя. Казимир тоже умело вынимал рамки с сотами, только отмахиваясь, когда какая-нибудь особенно беспокойная пчела вилась совсем близко от лица. Дед протянул ему полную корчагу, оказавшуюся неожиданно тяжелой.

– Подержи-ка, – и быстро замотал горлышко тряпицей.

Отойдя от ульев, Болеслав Тхоржевский долго молчал. Потом вздохнул и сказал:

– Ну что ж, Казик. Хорошо, что зашел к нам. Только помнишь ведь – нельзя тебе слишком часто здесь бывать, рано пока что. Принесешь своим меду – и бардзо добже. За нас не беспокойся, мы подождем, ничего не случится. А теперь иди, тебя уже, поди, заждались. Солнце на закат клонится.

– Что? – рядовой глянул на небо. И впрямь, уже вечерние тени ложились на траву. А показалось, будто провел на хуторе всего полчаса. – Да, пойду я, дедушка.

На прощание они обнялись – крепко, по-мужски.

– С бабушкой не прощайся, – махнул рукой дед, – не любит она этого. Ну, будь здоров, внук.

Привычно миновав туман, по лесной дороге Казимир летел как на крыльях. Радостно было, что своих не затронула война, а еще боялся опоздать на вечернюю поверку. Только на опушке остановился ненадолго перевести дух, да поправить ремень. Корчага оттягивала руки, гимнастерка на спине пропиталась потом. Вдалеке уже виднелись палатки части. Присмотрев лейтенанта Васильева, Казимир спешно бросился к нему.

– Товарищ лейтенант! Я медку принес, как вы и просили... – и тут заметил, что у Васильева странное, какое-то хмуро-враждебное выражение лица. Он еще не успел ничего подумать, как сзади больно рванули за плечи, и Тхоржевский ударился грудью о твердую сухую землю. Кто-то навалился тяжестью на спину, и умело вязал заломленные руки, но Казимир не сопротивлялся, глядя туда, где в нескольких шагах от него растекалась лужа меда из разбитой вдребезги корчаги.

– Ну что? Долго еще в молчанку играть будешь? А? – особист из СМЕРШ поставил одну ногу на стул и наклонился совсем близко, так что Казимир почувствовал, как изо рта у него несет махорочным духом. – Нечего сказать? Совсем нечего? Ты куда вчера ходил?

– К деду... за медом, – глухо отозвался солдат, морщась от этого непереносимого запаха, – на хутор ходил. Меня лейтенант Васильев попросил.

– Попросил... С лейтенантом вашим мы еще разберемся, меду ему захотелось! А вот с тобой... Какой, к чертовой матери, хутор, Тхоржевский? К родственникам ходил? Расстреляли твоих деда и бабу еще в сороковом, Тхоржевский! Понял? Рас-стре-ля-ли! Как шпионов, работавших на польскую разведку, к стенке поставили. В сороковом году! Что скажешь?

– Не работал дед ни на какую разведку, – упрямо сказал Казимир. – Он пчел разводил. Мед...

– Мед? Ты что тут лепишь, рядовой? Дед твой, Болеслав Тхоржевский, был из польских аристократов. Якшался в свое время с румынами из Трансильвании, темные дела какие-то творил.

Ты знаешь, что о нем ни в одной тамошней метрической книге записи нет?

Казимир Тхоржевский молчал. Он знал. С самого детства знал, что дед и бабушка – не такие как все остальные. На старых потемневших портретах в доме были и их лица – ничуть не изменившиеся. Но всякий раз когда он, еще мальчишкой, пытался поговорить об этом с дедушкой, тот мягко его останавливал: «Не время, внук. А как придет оно, это время, – ты сам все поймешь». Поэтому он сейчас упорно молчал, понимая, что выхода уже нет.

В кабинет постучали и вошел вестовой с какой-то запиской. Капитан быстро пробежал глазами строки на листе бумаги, побледнел, кивком головы отпустил вестового прочь. Потом с размаху кинул бумагу на стол, прижав ладонью.

– Знаешь, что случилось, Тхоржевский? Могу сказать. Вот что. Особая группа, посланная на этот твой хутор – да, да, чего уставился, можем и мы пройти там, где ты прошел! – вся эта группа при попытке задержания твоих... родственников, была УНИЧТОЖЕНА! Вся! Ты понял, что это значит?!

– А дед и бабушка? – тихо спросил Казимир. Особист несколько мгновений оторопело смотрел на него, запнувшись на полуслове. Потом оскалился, как зверь.

– Деда с бабушкой жалеешь? Радуйся, сволочь – не взяли их. Словно сгинули в этих чертовых лесах... И хутор тоже куда-то делся. Глаза отвели. Ничего. Найдем. Это я тебе обещаю. – Капитан выплевывал слова как пули, не отводя взгляда от сидящего на стуле рядового, на лице которого медленно появлялась странная улыбка.

Казимир улыбался, широко и спокойно. Он понял, что теперь этот капитан больше не сможет сделать ему ничего плохого. Никогда. Подумав о том, что дед был прав, Тхоржевский рассмеялся и встал со стула.

– А ну, сидеть! – рыкнул особист, отступая на шаг и расстегивая кобуру. Он был озадачен, не понимая, что вдруг случилось с этим тихим узкоплечим солдатом, до сих пор упрямо молчавшем и ни разу не шелухнувшимся во время допроса. – Сидеть, я сказал!

Но рядовой уже шагнул вперед.

– Товарищ капитан, они же вас не трогали. Попросили бы по-хорошему – дед и меда дал бы, и... – что-то такое было в его холодеющих зрачках, что капитан отшатнулся, и последнее слово смазал выстрел.

Падая на пол, рядовой Тхоржевский уже ни о чем не думал. Последнее, что он успел увидеть и услышать – с грохотом распахнувшуюся дверь кабинета, вопль: «Ты что делаешь, сука!» – и старшину Нефедова на пороге, с белым, бешеным лицом. Потом пришла смертная тьма.

... Но оказалось, что умирать легко и нисколько не больно, а пистолетная пуля ничуть не страшнее укуса пчелы. Тьма уступила место розовому свету и затихли ангельские перезвоны вокруг – а потом на Казимира повеяло запахом меда и знакомый голос, голос деда Болеслава, произнес:

– Вот и пришло твое время понять, внук.

Тьма навалилась снова. Тьма... мед... голоса... лес... дорога, пролетающая под ногами... туман, который ласково обнял тело и понес высоко над елями, баюкая...

Казимир шел по лесу, машинально сжимая и разжимая кулаки. Руки ныли – сегодня они с дедом весь день тесали бревна для нового дома, который будет стоять рядом с хутором. Его нового дома.

В сумерках Тхоржевский видел хорошо и поэтому издалека заметил неподвижную фигуру, стоявшую на перекрестке двух лесных дорог. Чуть приблизившись, он узнал старшину Степана Нефедова, который молча курил, с прищуром вглядываясь в подходившего Казимира. В руке старшина держал берестяной туесок.

Казимир подошел и встал напротив, тоже не говоря ни слова. Нефедов докурил, бросил окурок в мох и притоптал сапогом. Потом оглядел бывшего солдата с ног до головы – бросил взгляд на выцветшую, перемазанную землей гимнастерку с пулевой дыркой на груди, на отросшие волосы. Кашлянул и поправил фуражку.

– Казимир... Ты прости, коль что не так. Я-то знаю, что теперь ты мертвый и вроде как ни к чему мне, живому, с тобой разговаривать. Разные у нас дороги. Но я вот что попросить хотел...

Нефедов снова покашлял – и протянул туесок.
– Казимир... Принеси меду.

6. Закон пишут люди

Грузовик скрипнул сцеплением и остановился на обочине.

Скользя по весенней грязи, Степан подбежал к нему и рванул на себя дверь. Шофер – молодой парень в сдвинутой на затылок замасленной кепке, весело глянул на него.

– Привет, – поздоровался Степан, – мне бы до Черновилова доехать. Возьмешь?

– А почему не взять-то? Давай, браток, садись.

Нефедов закинул тощий вещмешок, влез в кабину и захлопнул дверь. Скрежеща всеми своими железными частями, «полуторка» двинулась по разбитой дороге.

– Курить у тебя можно? – спросил Степан, кое-как устроившись на прорванном сиденье.

– Давай, – разрешил шофер и тут же просительно глянул на нечаянного пассажира. – Может, и мне табачку отсыплешь? Уши пухнут, сутки не куривши уже.

Нефедов кивнул головой и достал из кармана потертый кожаный кисет. Сыпанув на ладонь щедрую горсть крепкого самосада, из того же кисета он извлек сложенную гармошкой газету и оторвал полоску. Шофер искоса глянул и тут же отвернулся – на пожелтевшей газете был виден портрет генерала Пермякова. Поймав взгляд паренька, Нефедов хмыкнул.

– Не боишься? – спросил шофер, изо всех сил давя на заедающий рычаг передач. – Все-таки враг народа.

– А я его в кисете ношу, да? – коротко рассмеялся Степан. Потом посерьезнел. – Ты вот что... как тебя?

– Иван, – через плечо бросил шофер, крутя баранку.

– Вот что, Ваня. Тут, как говорится – меньше знаешь, крепче спишь. Это во-первых. А во-вторых – без разницы мне, кто на моей самокрутке изображен. Кроме Самого, конечно. Понял? Или все еще любопытствуешь?

Парень было хотел что-то возразить, но услышав холодный смешок старшины, промолчал. Немного подождав, Нефедов чиркнул спичкой и нещадно задымил, поглядывая в окно. Дорога петляла между холмами, поросшими молодым сосняком. Тут и там в траве виднелись желтые пятна маслят.

– Богатые места, – задумчиво сказал Степан, выдыхая горький дым в открытое окно, – даже интересно, почему так мало людей здесь живет. На карте всего две деревеньки. Черновилово – ну тут понятно, станция, склады. И Волково рядом.

Иван крутнул руль и нехотя отозвался:

– Какое там... Волково-то нынче совсем заброшено. Один погост остался. Жили там раньше, верно. Старая деревня, дед говорил – еще барская.

– Вон что... – старшина коротко поглядел на шофера. – И что же? На войне всех выкосило или сами разбежались?

– Да... как сказать, – парень помусолил в зубах сигарку, потом сдвинул кепку на лоб и решительно закончил:

– Говорят, нечисто там, – и пристукнул ладонью по рулю.

Нефедов вроде и не отреагировал. Как смотрел в окно, так и продолжал смотреть, скользя взглядом по сосенкам и желтым песчаным проплешинам. Потом выщелкнул догоревший окурочек в окно и кашлянул.

– Нечисто, говоришь... Бабки плетут или сам боишься?

– Ты, земляк, говори, да не!.. – вскинулся было Иван, и тут же поймал глазами серебряный отблеск на груди старшины. И обмяк, прикусил язык. То была не обычная «звездочка» или «отвага», привычная для демобилизовавшегося солдата.

Волчий Знак, отличие Охотника.

Иван побледнел, нещадно выкручивая баранку на крутом повороте.

Об Охотниках говорили разное – кто называл их душегубами почище немцев, а кто, как Ванькин дед, каждое воскресенье выпивал за их здоровье чарку водки, крестясь на образа в красном углу. Там, где в войну проходили их отряды, нежить оставалась лежать мелким пеплом, а живым бояться было нечего. Но живые все равно боялись.

Нефедов перехватил взгляд шофера, скосил глаза на серебряный кругляш. Потом вдруг фыркнул и рассмеялся – совсем по-мальчишески, запрокидывая голову и широко открыв щербатый рот.

– Вон ты чего! Значка испугался. Не слышал что ли, что Охотники только для всякой погони опасны?

– Много чего слышал, – хмуро ответил Иван. Дернул рычаг, машина взвыла и пошла чуть быстрее, – слышал вот, что после боя вас и награждать было некому. И не за что.

Он покосился вбок и невольно осекся. Рот старшины покривила злая усмешка. Степан дернул щекой, помолчал. Потом все же не сдержался.

– Много ты знаешь, сопляк... Если бы не мы... – и закусил губу, молча махнул рукой. Шофер упрямо набычился, смотрел прямо перед собой, боясь повернуть голову. Но Нефедов уже и думать забыл о брошенных сдуру словах. Перед глазами у него как наяву, встал кровавый март сорок четвертого на окраинах Фюрстенвальде...

– ...Где они? Куда пошли? – надрываясь, хрипел седоусый капитан с простреленной грудью, дергаясь на кровавых тряпках, брошенных на землю вместо носилок. – Куда пошли?

Он повторял это упорно и без остановки, никак не реагируя на врачей, умело пластавших на нем задубевшую от грязи шинель.

– Куда пошли? Куда?

Медсестра, совсем еще девчонка, безуспешно пыталась успокоить его, громко повторяя на ухо:

– Все хорошо, товарищ капитан! Они вернутся! Вернутся! Тише вы!

Старшина Степан Нефедов, чуть поодаль спокойно набивавший патронами магазин своего автомата, точно знал, что уже не вернется никто из первой штурмовой волны. Затихшее, от которого звенело в ушах, было зловещим. И тем внезапней стала атака смертников, подкрепленных прусскими магами. В один миг земля под ногами роты вздыбилась огненным смерчем, зашипело синее пламя, словно кто-то зажег горелку, – и живые факелы по сторонам взметнулись с режущими уши криками, принялись судорожно метаться, валиться почерневшими головешками, затихая насовсем. Беспорядочная стрельба не оставила фигуры в черных мундирах, которые бежали, не разбирая дороги, перепрыгивая лужи огня. Степан дернулся в сторону, увидев, как синевато блеснувший штык прошел мимо, ударом приклада разбил немцу лицо. Тут же выстрелил в грудь другому, выдернул из голенища короткий нож, перехватил за лезвие и метнул, целясь в клеенчатый плащ мага, изготовившегося для нового огненного удара.

– Поляков, сука! Где твои люди, Поляков!? – отстреливаясь, орал за спиной в телефонную трубку белый как бумага военврач. Крик сменился хрипом, и, обернувшись, Нефедов увидел, как голова майора разлетелась брызгами.

Тогда, в марте, из всего отделения под командой Степана, живым остался только он сам. Бронекатера с реки подошли, как и было запланировано командованием – но уже слишком поздно для тех, кто в полном составе был изрезан, изорван и опрокинут с берега в стылую воду Одера, покрытую масляными пятнами и кровавыми разводами. С ходу сломав сопротивление врага, десант, расстегнув бушлаты и открыв синие полосы тельняшек, тут же окунулся в резню. А старшина Нефедов остался сидеть на берегу, сплевывая кровь и выкашливая жирную сладковатую гарь из легких. Политрук, наткнувшийся на него и уже

открывший было рот, замолчал, стремительно бледнея, когда увидел глаза Степана, молча и даже как-то скучно двинувшегося на него. Потом был штрафбат и много всего – совсем даже неинтересного...

«Полуторка» взбрыкнула на ухабе, и Степан оторвался от воспоминаний. Иван, насвистывая что-то веселое, глядел вперед, выставив локоть в окно. И вдруг резко нажал на педаль тормоза. Старшина с размаху саданулся грудью об железную ручку и коротко выматерился, помянув неведомую бабушку Прасковью.

– Ваня, ты чего? Одурел? – но тут же замолчал, скрипнув зубами.

Ивану показалось, что старшина проскользнул сквозь закрытую дверь – так быстро все случилось. Грузовик еще останавливался, буксуя на склоне, а Нефедов уже стоял на одном колене – оперев левую руку в землю, в согнутой правой сжимая плоский «парабеллум». Дуло пистолета хищно шарило по сторонам.

У ног Степана на краю дороги лежал труп. Узкое мертвое лицо, покрытое грязью и кровью, было неузнаваемо изуродовано ударом чего-то тяжелого. В груди, обтянутой тонкой серой рубашкой, еще кровоточили четыре прокола. Но даже и в таком виде мертвец оставался тем, кем и был.

Слишком белые волосы, слишком совершенная форма длинного тела. Лесной альв, бессмертный, лежал здесь на пригорке, и земля подплывала его кровью.

Иван выбрался из кабины и растерянно подошел к Нефедову.

– Это что же получается? – спросил он. – Сроду здесь такого не было...

– Значит, теперь есть, – сквозь зубы сказал Степан, не переставая быстро-быстро вертеть головой. Ноздри его раздувались, как у гончей, напавшей на след, – Ваня, ты бы шел в кабину. Мешаешь только.

– Ну как знаешь... – обиженно начал было шофер и не договорил, сбитый с ног мелькнувшим в воздухе телом. Старшина дернулся в сторону, и второй альв, летевший на него, кувыркнулся мимо, вскочил на ноги и замахнулся, – но замер, глядя в черное отверстие дула.

– Тих-ха, – сказал Нефедов, глядя в горящие бешенством красные зрачки. Кривой сизый шрам у него на щеке побелел. – Тих-ха. Ты, брат, быстрый, да я побыстрее. И шофера моего отпусти, ни при чем он. Ну?

– Его убил человек, – прошипел альв, не двигаясь с места. Первый повел рукой, и Иван похолодел, чувствуя, как кожа на горле натягивается под лезвием зазубренного железного ножа.

– И что? – спросил старшина, поднимаясь на ноги. Голос его звучал спокойно, словно бы даже и равнодушно. – Вижу, что вилами добивали... Давай, отпусти шофера. Ты убьешь его – я убью тебя. Если отпустишь, будем разбираться. Я сам буду разбираться.

– Его убил человек! – резко крикнул альв. Белые волосы взметнулись вихрем, когда он мотнул головой. Старшина опустил пистолет.

– Слушай внимательно. Законы здесь написаны не мной и не тобой. Их наша власть пишет. И я сейчас за эту власть отвечаю. Убил ваш – дело ваше. Убил человек – найду его я. А не ты. Понял?

Альв коротко прошипел сквозь зубы что-то непонятное. Мускулы его тела дрожали как в лихорадке, и Иван закрыл глаза. Потом нечеловеческая хватка разжалась. Беловолосый отступил на шаг.

– Ты обещал, – сказал он.

Степан кивнул головой.

– Точно, – сказал он. – Обещал.

Не сводя с него глаз, оба альва коротко поклонились, сошли с холма и исчезли в придорожных кустах.

Нефедов еще постоял, потом длинно выдохнул и сунул «парабеллум» в кобуру. Вытер пилоткой пот со лба и повернулся к Ивану, бессмысленно глядевшему на дорогу.

– А я уж думал, все, – усмехнулся он. – Там в кустах еще четверо ждали. Давай, Ваня. Заводи, поехали.

7. Дед

Степан еще раз перечитал кривые, разъезжающиеся по листку бумаги строчки. Потом аккуратно сложил его пополам, еще раз перегнул. Подумал – и разорвал на мелкие кусочки. Высыпал их в жестянку из-под американской тушенки, стоящую на подоконнике вместо пепельницы, и чиркнул спичкой. Тяжело опустил на стул и долго смотрел на мечущийся по бумаге огонек. Молча закрыл лицо ладонью и тихо, едва слышно взвыл, навалившись грудью на край письменного стола.

Молодой солдат, совсем еще мальчишка, из первогодков, который только что доставил коменданту станции письмо («Пляшите, товарищ старшина! Из дому пишут!»), жалостливо морщил лицо, переминался с ноги на ногу у дверей, не осмеливаясь напомнить о себе. Потом все-таки робко покашлял в кулак. Степан Нефедов убрал ладонь и поднял на него глаза. Лицо его было спокойным. Белый шрам, да бьющаяся жилка на виске – и все, ничего больше не понять, хоть целый день смотри.

– Спасибо, Коля, – качнул старшина головой, – все нормально. Обожди, я распишусь, что получил. Порядок нужен, без порядка никуда...

Скрывая облегчение, почтальон подставил журнал, и комендант начертил хитро закрученную подпись напротив нужного крестика на серой бумаге.

– Разрешите идти? – солдат поправил брезентовую сумку и козырнул. Нефедов поднялся и подошел к нему, шаря по карманам галифе.

– Коля, слушай... Вот, возьми деньги, передай там на крыльце кому-нибудь из ребят, кто посвободнее. Скажи, мол, старшина просил... водки бутылку. Хорошо?

– Ясно, товарищ старшина. Передам, – почтальон принял смятый комок бумажных денег. И не вытерпел, спросил. – А что случилось-то?

Степан Нефедов сумрачно глянул на него, махнул рукой.

– Иди, Коля. Человек один умер. Хороший был человек.

Когда за солдатом хлопнула дверь, Степан снова подошел к столу. Сел, положил голову на стиснутые добела кулаки.

Дед... Ах, деда, деда, что ж ты так? Обещал – дожدهшься меня. Обещал еще и правнуков уму-разуму научить.

Не успел.

– ...Стало быть, уходишь, Степа, на войну? – в толпе воющих баб и девок, провожающих эшелон, Константин Егорович, «дед Кистентин», как называла его бабка, оставался спокойным. Как всегда, чуть улыбался краем рта сквозь прокуренную свою бороду. А может, вовсе и не улыбался.

– Ухожу, дедушка, – Степан, тоже нимало не волнуясь, глядел, как заполняются людьми теплушки, как бегут с котелками те, кто еще успел набрать кипятку на дорогу.

– Ну, добро. Слушай меня, внук, – гуднул дед, положил каменной тяжести руку на плечо Степану. – Попадешь на войну – бей их, гадов. Как я в турецкую, да отец в гражданскую. Чего еще сказать? Сердцу воли не давай, головой думай. Сердце – оно потом, как отвоюешь, о себе даст знать. Молитву не забывай.

– Не верю я в бога, деда, – отозвался внук, закуривая. Константин Егорыч усмехнулся в усы.

– Ну не веришь – и ладно. Бог с тобой, вот и все. А уж мы с бабкой за тебя помолимся, ох как помолимся... Ты, главное, не бойся. Ни человека, ни нечисть. А зверей я тебя сизмальства научил не бояться.

Помолчал и добавил:

– Жаль, отца нет... Он бы посмотрел, какой солдат вырос.

Степан почти и не помнил отца. Знал, что тот воевал, в гражданскую вроде бы командовал эскадроном, а после – был егерем, оберегал окрестные леса. И погиб вместе с женой, отбиваясь от стаи волков, натравленных на заимку волей одного варнака-колдуна, обиженного на то, что егерь Матвей Нефедов не разрешил ему вольничать, как прежде, когда никакой власти не было.

Но Матвея земляки любили – много за что, не перечесть тех, кому помог. И человеком он был сильным и спокойным. Поэтому после похорон мужики, не сговариваясь, молча взяли рогатины и винтовки с наговорными пулями, и пошли в чащобу. Там, у болота, в короткой стычке, двое из них истекли кровью, но и чернокнижник не ушел – подох как змея, скрючившись на вилах и не устая проклинать своих губителей. Орал он, пока отец егеря не вбил ему в рот комок горячей смоляной пакли. Там же, на краю трясины, колдуна сожгли, а пепел смешали со стоялой водой. Плюнули на то место и вернулись в деревню – поминать Матвея и Марью. Пили, плакали, орали песни, дрались и мирились.

Один только дед Константин был неподвижен, молчал чугунно и лишь без закуски глотал стакан за стаканом самогона. На третий день он встал, хрястнул пустую бутылку об стол, пластанул ситцевую рубаху на груди пополам, только пуговицы поскакали по половикам, – и принялся плясать. Без остановки, несколько часов подряд, отшвыривая мужиков, пытавшихся крутить ему руки. Рухнул, обессилев, только затемно, и воющая над ним бабка Авдотья еле сумела дотащить неподъемного мужа до постели.

Проспавшись, он сразу же отправился к шабрам и привел в дом пятилетнего внука Степана, который все дни поминок жил там, в стороне от мужицкой гульбы. Привел и сказал спокойно:

– Ну вот, Степка. Теперь мы тебе заместо батьки с мамкой...

Внук, хоть и мал, понял все и только головой кивнул. Уже тогда дед про себя удивился – ни слезы, ни крика у Степки не вырвалось.

А как только зазеленел май, дед Константин увел внука с собой в лес – и до осени. Так и повелось. Когда Степан подрос, он и сам чуть ли не круглый год пропадал в чаще, с ружьем да кавказским кинжалом – еще прадед, который с Ермоловым служил, привез домой бритвенно-острый клинок с серебряной чеканкой.

Первого оборотня тринадцатилетний парнишка поймал на это лезвие. Едва не переломившись при том под тяжестью волчьего тела. А когда увидел, что шерсть исчезает, и перед ним на земле дрожь бьет помирающего голого мужика с синеватой кожей, то сблевал. Но дед не дал отвернуть глаза.

– Смотри, Степан. Хорошо смотри. Ить вот оно как, мог он человеком быть, а выбрал – нелюдем стать и людей резать. А нелюдю – и смерть нелюдская. Ни похорон ему, ни дна ни покрыва.

Старый Константин рассказывал внуку все, не скрывая секретов. От него первого Степан узнал, как надо правильно убивать и как правильно жить, так, чтобы глаза от людей не прятать.

– К примеру, как оно, – учил дед, пока снаряжал патроны или подшивал драную обветки одежду, – иной человек – дрянь гнилая, и Лесному не всякому в подметки сгодится. И наоборот – вот те же альвы или мавки. Они живут и нас не трогают. И мы с имя в ладу должны жить. Ежели то не черные альвы, Степка. Тех опасаться надо, ненавидят они людей. Коли встретится такой – бей первым, но и по сторонам гляди – они поодиночке не ходят.

– А те, что не черные? – спрашивал внук.

– С теми я сам в последнюю турецкую войну плечом к плечу в разведке служил. Из нас таких, у кого ни кола ни двора, ни царя в башке, собрали отряд «охотников» – для ночных действий, значит. Плохо башибузукам турецким спалось, пока с нами альвы ходили. Быстрые они и бесшумные – проскользнут там, где человеку и пути-то не видится. Только все

одно – нелюдская у них суть, жестокие очень. Пленных не берут, и не дай Господь к ним в руки врагом попасться. Смертную муку примешь, неделю умирать будешь, а они рядом петть на своем языке и смеяться будут. Понять их трудно. Но если один раз понял, и они тебя за своего приняли – навек своим будешь.

– А ты им свой, дед? – поинтересовался как-то Степан. Константин Егорыч долго молчал, сплевывал табачной слюной на траву. Потом поерошил бороду и ответил задумчиво:

– Это как сказать... Кому вроде как и за своего сойду.

Весь день после этого он ходил и что-то бормотал про себя.

А вечером подозвал Степана, который на улице у заимки возился с капканом, и сказал решительно:

– Собирайся, внук. Пойдем. Хочу тебя показать кое-кому.

Они шли всю ночь, петляя по одному деду ведомым приметам и тропкам. А потом и вовсе пошло бездорожье, пришлось перелазить через рухнувшие стволы и продираться сквозь спутанные ветви. Только к рассвету они вышли на удивительно чистую поляну, трава на которой росла словно бы вся одного размера. Дед оставил Степана посередине, а сам исчез на другом краю леса, кинув напоследок короткое «жди».

Усталый Степка и не заметил, как задремал. Спал он крепко, но проснулся – словно внутри толкнулась пружина. Затуманенная голова еще не успела ничего сообразить, а тело уже вскинулось на четвереньки, рука нашарила кинжал.

– У него хорошее чутье, Охотник, – тихий, шипящий голос раздался сзади совсем рядом. Парнишка суматошно крутанулся, полоснул впереди себя острием. Потом замер.

В двух шагах от него стоял альв. В непонятной зеленой одежде, висящей лоскутами, с ножом, который он небрежно крутил на ремешке. Смотрел на Степана холодно и равнодушно, чуть морщился от запаха дедовской махры. Дед стоял рядом и привычно усмехался.

– Зачем ты его привел? – спросил альв.

– А то сам не понимаешь?

– Хочешь, чтобы я научил... Охотник, ты понимаешь, чего хочешь? Нам запрещается это. Нас и без того мало, а если люди узнают...

– Не узнают, – твердо сказал дед.

– Чего ради? – вскинулся альв. Нож мгновенно исчез из его пальцев.

– Того. Ты помнишь егеря, который тебя, Сурраль, третьей зимой спас от гулей? Это его сын.

Альв замер неподвижно. Потом мазнул по лицу Степана черными зрачками, отвернулся.

– Да. Ты прав. Это мой кровный долг.

– Иди с ним, внук, – сказал дед. – Иди. Надо тебе узнать больше. Я вот староват уже, а он...

Степка узнал позже – «он» возраста не имеет. Сколько в этих лесах жил Сурраль, не было известно никому. Но с тех пор Степан Нефедов проводил с альвом почти все время. Три года подряд он жил, спал и дышал так, как ему тихим голосом приказывал безжалостный воспитатель, кроивший тело юноши по своему разумению. Писать, читать и уважать Советскую власть его научили сельская учительница и дед. Не научили только верить в бога – наверно, и тут виною всему был альв Сурраль: трудновато верить в то, чего не можешь увидеть сам, когда рядом – вон они, чудеса.

Потом альв исчез. Ушел однажды и сгинул, растворился в лесах, словно бы и не было никогда его рядом. Куда ушел, не смог сказать и дед. От него на память ученику остался только костяной нож, да шрамы на всем теле, которые от этого ножа и появились, – Сурраль всегда повторял, что тренировка без крови не имеет смысла.

А потом началась война.

Степан, которому только-только стукнуло девятнадцать, в военкомат поехал сразу же, как по репродуктору, прибитому на столбе у сельсовета, прочитали приказ о мобилизации. Даже хотел со своей винтовкой, но Константин Егорыч не дал.

– Ружье, Степка, тебе там дадут. Ружей на войне много – только стреляй... Главное, стреляй метко. Или ты его, или он тебя.

Напоследок, у поезда, дед повесил внуку на шею свой медный крест да бабкин оберег. Бабушка Авдотья солдата не провожала – уж так повелось в роду Нефедовых, что на опасное дело мужики испокон веку уходили не оборачиваясь и не слыша причитаний за спиной. Так ушел и рядовой Степан Нефедов, махнул деду рукой и запрыгнул в теплушку. Не зная еще, что воевать ему придется без передышки долгих пятнадцать лет.

...Старшина Степан Нефедов поднял голову. В коридоре простучали шаги, дверь приоткрылась и в нее просунулась голова Сашки Ерохина из комендантского взвода.

– Товарищ старшина, я вам принес... Водки, как просили.

Нефедов принял газетный сверток, развернул бумагу, поставил на стол зеленую бутылку. Нашарил на полке пыльный стакан, протер рукавом. Содрал пробку с бутылки и налил водки сразу по рубчик. Поднял стакан и с выдохом проглотил обжигающую жидкость в три глотка. Закашлялся и вытер глаза.

Не пил Степан с самой юности. Вначале запрещал дед, потом отучил Сурраль, говоривший, что пьяного в лесу по запаху не найдет только слепой безногий волк. На войне тоже как-то не до того было. Но сейчас старшина пил водку, словно в стакане была обычная вода. Пил, и легче ему не становилось.

За окном смеркалось. Уже давно простучал колесами и ушел эшелон, увозя конвойную команду. Начальник эшелона сунулся было к коменданту, но Ерохин его не пустил, как тот ни ругался и ни грозил рапортом по начальству. Под конец приезжий покрыл всех матом и уехал ни с чем.

Степан сидел и глядел на пустую бутылку. Мыслей не было, только тяжесть где-то там, на месте сердца. Поэтому он и не услышал сразу, как бесшумно отворилась обычно скрипучая дверь. Обернулся, роняя стул, только тогда, когда на плечо легла узкая ладонь.

– Ты разве совсем постарел, ученик, что разрешаешь так подкрадываться?

– Сурраль...

Альв обошел комнату, сел напротив Степана. Брезгливо тронул пальцем бутылку.

– Легче стало?

Нефедов опустил голову.

– Дед у меня, Сурраль...

– Знаю, – перебил его альв, – потому и пришел. Держи. Это твое.

Он положил на стол замшевый мешочек. Потом поднялся и пошел к двери. Уже взявшись за ручку, сказал, не оборачиваясь:

– Сегодня думай сердцем, Степан. Сегодня можно. А завтра – уже нет. Я тебя хорошо научил. Такие как ты, воюют всю жизнь.

И исчез, как будто растворился во тьме коридора.

– Сурраль! – Степан кинулся следом, распахнул дверь. Никого.

Он вернулся и взял в руки мешочек. Потом развязал его и достал оттуда скрученный в трубку листок бумаги и коробочку.

Медленно развернул записку.

«Здравствуй, Степан!»

Чую, что больше нам с тобой не свидеться. Знаю, что воевал ты все это время честно, как я учил, да и отец бы твой гордился, будь он сейчас жив. А по мне не грусти – это сколь же можно небо-то коптить? Тебя вырастил, пора и честь знать. Об одном жалею – что не довелось мне тебя обнять, пока старые кости еще носят. Ну, это ничего.

Передаю тебе, внук, награду твою. Десять лет без малого, почитай, она тебя ждала – еще с первой похоронки, которую мы с бабушкой на тебя получили. Так и лежала в красном углу. Думал – вернешься, а я ее тебе за столом накрытым и вручу при всей родне. Но теперь уж держи ее и надень сам. Заслужил, внук. Считай, и от меня тебе эта награда.

А теперь – прощай, Степушка. Нечего нам с тобой, мужикам, долгие проводы устраивать. Приезжай в родные места, навести наши дом. Твой он теперь – боле никого не осталось.

Твой дед, Константин Егорович Нефедов».

Степан открыл коробочку. Там на черном бархате лежал, тускло отсвечивая полированным серебром, Георгиевский крест. Старшина достал его, сжал в кулаке, чувствуя, как острые грани врезаются в ладонь.

И заплакал.

8. Родина не забудет

Сергей ударился головой о борт грузовика и проснулся. Как всегда, пробуждение было мгновенным – словно из одной темной комнаты шагнул в другую, посветлее. Он поглядел на небо. Светает.

Впереди над бортом все так же маячил силуэт впередсмотрящего – незнакомого мужика с погонами сержанта. Он должен был следить, не висят ли где-нибудь над дорогой провода, которые грузовик может зацепить. Чтобы их вовремя приподнимать, сержант еще перед отправлением срубил в лесу длинную ветку с рогулькой на конце. Впрочем, похоже было, что он тоже спит – по-неживому моталась голова в пилотке, горбатилась спина под натянувшейся шинелью. Сергей потянулся и потряс впередсмотрящего за ремень.

– Сержант! Слышь, сержант!

– А? – очнулся тот, машинально подхватив падающую ветку, и уставился на солдата непонимающими глазами. Потом поежился и свободной рукой протер глаза.

– Фу, черт... И не заметил, как заснул. Дорога тянется, ни огонька кругом, ни звездочки. Вот и сморило... – в голосе сержанта слышалась виноватая нотка. Он украдкой посмотрел кругом, но, увидев, что все спят, успокоился.

– Земляк, ты уж не говори никому, ладно?

Сергей пожал плечами: мол, мне-то что, я – могила. Сержант протянул ему ледяную ладонь.

– Федор.

– Рядовой Сергей Никольский, товарищ сержант...

– Брось ты. Не на плацу, не тянись, – махнул рукой Федор и снова отвернулся к дороге, теперь уже внимательнее вглядываясь вперед. Небо уже совсем посветлело, и стали видны деревья, мимо которых ехал грузовик. «Откуда здесь проводам-то взяться?» – еще сонно подумал Сергей, и тут же Федор, словно прочитав его мысли, снова поглядел на него.

– Провода не провода, а мало ли что... Сверху виднее, чем шоферу – может осыпь или завал случился.

Сергей ничего не ответил, но сержанту, похоже, наскучила молчаливая езда. Он прислонил рогатку к борту и достал из кармана пачку «Казбека» – дунул в гильзу, прикурил и, катая папиросу в углу рта, спросил:

– Ты-то хоть знаешь, куда едем?

Сергей покачал головой. Он вообще как-то смутно вспоминал события этой ночи. В памяти крутилась только какая-то черная воронка, выбрасывавшая куски воспоминаний: сигнал тревоги, сбросивший его с холодного и жесткого топчана, тяжесть автомата в руках, молчаливая посадка в кузов грузовика бок о бок с такими же темными силуэтами. И еще худощавое лицо кого-то, кто внимательно за ними наблюдал. Никольский напрягся, пытаясь вспомнить это лицо в свете фонаря, ему казалось, что от этого зависит что-то важное, какая-то главная деталь непонятной мозаики. Но образ скользнул и сразу же пропал. Сергей досадливо поморщился и поднял глаза.

У противоположного борта, на скамье, мотаясь на кочках, сидя спали солдаты. В утреннем свете, с закрытыми глазами, они казались совсем неживыми – только блестела роса на щеках и бровях. Всматриваясь в каждого, Никольский понял, что никого не узнает. Прямо напротив него, положив кудрявую голову на плечо пожилому старшине, спала светловолосая женщина. «Капитан медицинской службы», – глянул Сергей на петлицы и продолжал пристально смотреть в красивое лицо с полуоткрытыми губами. Будто почувствовав это, женщина резко открыла глаза. И тут же выпрямилась, отстранившись от пожилого, который тоже заворочался, выходя из дремы. Медичка поглядела по сторонам и пристально – на Сер-

гея, который под ее взглядом, сам того не осознав, подтянулся и надел пилотку, которую до этого держал за пазухой.

– Мы где? – хрипловато спросила она, не отводя глаз. Услышав ее голос, сержант выщелкнул окурок на дорогу и ответил, еле заметно подмигнув Сергею.

– Неизвестно, товарищ капитан. Едем и едем, который уже час трясемся по лесам. Разрешите спросить – может, вы нам объясните, что и как?

Некоторое время белокурая капитан медслужбы молча смотрела на Федора. Потом чуть усмехнулась. Усмешка вышла странно безжизненной, словно бы только одной половиной лица.

– Меня зовут Ольга. «Товарищ капитан» звучит, конечно, по уставу, но слишком длинно. Не для наших с вами условий. Проще называть друг друга по именам.

Федор, как показалось Никольскому, слегка растерялся, но тут же подшагнул ближе и протянул Ольге руку.

– Федор. Коли так, значит, будем по именам.

– А вы? – женщина снова посмотрела на Сергея.

– Сергей, – коротко сказал он, внутренне злясь на разбитного сержанта. Ольга слегка прищурилась, словно бы поняла, что творится у рядового в мозгах, потом расстегнула офицерскую планшетку и достала из нее карту. Пожилой седоусый старшина, сидевший рядом с ней, хмыкнул:

– Вы бы тогда, товарищ... Ольга, разбудили бы всех, а то непонятно как-то получается, – и тут же зычно скомандовал: – Па-адъем!

Солдаты зашевелились, будто бы от выкрика все разом вдруг включились. Сергей, словно во сне, видел, как они замедленными движениями разбирают автоматы, сложенные под ногами, кашляют, закуривают. Все это время он смотрел на Ольгу, склонившуюся над картой. А в голове билась только одна мысль: «Она-то зачем... с нами? Мало, что ли, солдат?»

Внезапно грузовик остановился. Заглох мотор, и в тишине стало слышно, как на ветках где-то рядом с дорогой пересвистываются синицы. Дверца кабины хлопнула, и вдоль борта послышались чьи-то шаги. А потом в кузов запрыгнул человек – он словно бы одним движением перебросил свое крепкое тело внутрь и вот уже стоял среди солдат, поправляя фуражку с малиновым околышем.

У Сергея екнуло сердце и на миг пресеклось дыхание, хотя вроде бы и вовсе было не с чего. Самый обычный старшина, в выгоревшей полевой форме, на ногах – не сапоги, а немецкие шнурованные парашютные ботинки. На левом бедре у старшины висела пистолетная кобура, из которой выглядывала перемотанная черной изолентой рукоятка – вроде бы «парабеллум». Все в нем было ладно и пригнано, но... неправильно, словно ему было наплевать на устав. Но Никольский не обратил внимания на форму, его притянули к себе глаза человека. Серые, ледяные, почти прозрачные.

Старшина обвел всех взглядом, снял фуражку и хлопнул ею об коленку. Потом улыбнулся, показав металлическую коронку.

– Понятно. Все проснулись. Ну что ж, самое время, поскольку мы почти что прибыли. Будем знакомы, я вроде как ваш командир – старшина Нефедов. Степан.

Тишина сгустилась, уплотнилась, еще немного – и можно будет резать ее ножом как масло. Сергей не понимал, что творится. Глядя на старшину Нефедова, он вдруг понял, что это и был тот самый человек, лицо которого под фонарем ночью врезалось в память. И походил, потому что разом понял еще одно – для него, Сергея Никольского, незнакомый Степан сейчас был больше чем командиром. Ему нельзя было не подчиняться. Этот невысокий крепкий мужик, который так запросто разговаривал сейчас со всей разномастной командой, непонятно почему был властью.

Старшина за несколько минут успел пошутить о чем-то с Федором, попросил табачку у одного из солдат, вежливо поздоровался с Ольгой – все это, как будто не замечая, что в кузове по-прежнему царит тишина. Солдаты хмуро глядели на Степана, и в их взглядах Сергей ловил тот же самый страх, что и у него.

На полуслове Нефедов оборвал анекдот, который рассказывал. Присел на скамейку. Седоусый старшина поспешно, словно от горячего, отодвинулся, освобождая ему место.

– Так. Понятно. Шутка не удалась, – усмехнулся Степан и сдвинул фуражку на затылок, – Ольга, разрешите-ка мне планшетку вашу.

– Старшина, – Никольский услышал в голосе медика звенящую нотку близкой истерики и вскинул на нее глаза, – собственно, по какому праву вы здесь командуете? Я старше по званию, и...

Нефедов на миг замер. Потом протянул руку к планшетке и, глянув в глаза Ольге, произнес какое-то слово. Вроде бы произнес. Сергей ничего не услышал, только губы шевельнулись, и показалось, что вокруг фигуры старшины вспыхнула светлая полоса. Мигнула и тут же пропала, и пропало все вокруг, а потом рядовой понял, что стоит коленями на шершавых досках, зажмурив глаза и низко опустив голову. «Да что такое творится?» – ошалевший Сергей рванулся с колен, и тут же оказалось, что он, как и прежде, на скамье, сжатый плечами соседей, а Степан уже держит в руке карту и что-то говорит.

– ...на этом самом месте раньше стояла деревня Новодворово. Вот здесь, на карте, она отмечена. Богатая была деревня, колхоз-передовик. Только карта-то довоенная. Теперь там даже пепелища не осталось, все травой позарастало. Но, – старшина ткнул пальцем в сгиб карты, – позарастать-то позарастало, а лучше не стало. Посредине пепелища – колодец. Целый.

Капитан медицинской службы Ольга сидела с белым лицом и кивала, когда Нефедов во время разговора коротко поглядывал на нее, точно просил подтвердить слова. Еще недавно Никольскому это показалось бы странным, но сейчас и он, не замечая того, кивал, а слова Нефедова прочными кирпичиками ложились в голову.

– И вот что странно, – старшина откинулся на борт и закурил, не переставая водить пальцем по карте, – местного колдуна в Новодворово еще до войны не стало. Помер, и передать силу не успел никому. Ну, от этого крестьяне особо не печалились. Волколаков в этих местах сроду не водилось, на погосте тоже все спокойно было всегда. А как только спалили немцы деревню, так и началось. Окрестные хуторяне извелись все, житья не стало от призраков. Мы-то, конечно, после того, что тут каратели сотворили, чистили эти места еще в войну, да некогда было тогда как следует...

Сергей собрался с мыслями и все-таки посмел возразить, откуда-то на это взяли силы.

– Товарищ старшина. А мы-то там на кой? С бору по сосенке нас собрали, а теперь – призраки какие-то, нечисть...

Нефедов перевел взгляд на рядового. В глубине его зрачков метнулось удивление и тут же пропало.

– Ты, Сергей, вот о чем подумай. Кто-то этих призраков направляет, видно сразу. Гонит оттуда прочь, выпроваживает, чтобы с проклятого места ушли. Да только им уйти нельзя, они или к своему прежнему мертвому двору привязаны, или житья людям не дадут. И нам надо этого «кого-то» найти. Быстро найти, пока он еще смертей не наделал. Ясно? На то вы и солдаты, чтобы приказ выполнить.

– И что, много смертей было? – вопрос задал пожилой старшина, который только сейчас заметил, что самокрутка у него в пальцах давно исчадила и затухла.

– Хватает, – буркнул Степан, – недавно девчонка молодая в лес отправилась после заката. Ворожить на милого хотела, дура, а деда не послушалась. Нашли ее выпитую уже.

А до этого еще троих – с пути сбились, солдаты демобилизованные. Заночевали около тех мест...

Ольга хотела спросить еще что-то, но тут старшина пружинисто поднялся.

– Приехали. Так. Всем из машины, строиться на поляне.

После построения старшина приказал проверить оружие, снять автоматы с предохранителя и выстроиться в цепь. Сам он расстегнул кобур, достал «парабеллум» и загнал в него обойму. Потом повернулся к солдатам.

– Значит, вот что. Операция эта простая, ничего тут шибко сложного нет. Было бы сложное, нас бы с вами сюда не послали, а послали бы специалистов похитрее. Колдун этот тут прячется, больше ему негде, здесь ему проще всего силу поддерживать. Идем и берем. Ясно?

Цепь двинулась из леса на опушку, обходя пни и поваленные деревья.

Новодворово и впрямь было большой деревней. Когда-то было. Сейчас от нее осталось только широкое поле, сплошь покрытое буграми, заросшими лебедой и крапивой. Не уцелело ни единого дома, и посреди этой пустоты совсем неуместным казался совершенно целый колодец-журавель. Даже ведро, прочно окованное железом и совсем не поржавевшее, стояло на краю колодезного сруба. Журавель тонко поскрипывал – угловатый силуэт на фоне серого неба.

Сергей шел в цепи, напряженно, до боли в глазах вглядываясь вперед. Ему казалось, что сейчас откуда-нибудь метнется человек или зверь – и полетят стреляные гильзы, все завертится в суматохе боя. Один только раз он видел, как брали живьем немецкого мага, выкуривая того из бункера под Винницей. Немец, которому нечего было терять, щедро расходовал свою Силу, посылая вперед жутких тварей, созданных из плоти и костей солдат, своими трупами заваливших все коридоры подземного укрепления. Они не боялись обычных пуль и тупо бежали вперед, разрывая всех попадавшихся на пути. Тогда бункер забросали гранатами и динамитными шашками. Оглохшего мага, из носа и ушей у которого текла кровь, выволокли из-под земли и тут же, рядом с его убежищем, сожгли, облив мазутом.

Никольский вздрогнул, когда кто-то хлопнул его по плечу, и едва не нажал на спусковой крючок. Рядом шел Степан Нефедов. С виду старшина был совершенно спокоен и даже пистолет держал небрежно, в опущенной руке. Не глядя на рядового, Нефедов спросил:

– Сергей, ты ничего не чувствуешь?

Вопрос был неожиданным и непонятным. Никольский удивленно пожал плечами и уже открыл рот, собираясь ответить, что вроде бы ничего, как вдруг его накрыло. Во рту зашипало и стало кисло, будто лизнул батарейку. И сразу же дернуло несколько раз вперед, как за веревочку. Сергей остановился и испуганно поглядел на старшину.

– Да, товарищ старшина, почувствовал. Как будто вон в ту сторону тянет... – он показал рукой вперед, на колодец.

– Понятно. Значит, там, – Нефедов пошел быстрее. Сергей тоже ускорил шаг и спросил:

– А что это, товарищ старшина?

– Понимаешь, – быстро сквозь зубы сказал Степан, – ты до войны кем был?

– На заводе работал, – растерялся Никольский, – а что?

– А то. Ты, когда получку давали, за нее в табеле расписывался? Расписывался. Вот и любой колдун, когда заклятье творит, – вроде как свою роспись ставит. Ни с чем не спутать. Только кроме всего прочего, она еще и указывает на него, пока свежая. А тут, сдается мне, свежее просто некуда. Загибай цепь! – вдруг крикнул Степан и несколько раз выстрелил куда-то. Шагах в десяти кувыркнулась в лебеду какая-то тварь размером с крупную собаку.

– Пугаешь, гад? – прошипел Нефедов. Другая тварь, оскалив зубы, выпрыгнула откуда-то сбоку и ткнулась в плечо Никольскому, едва не опрокинув его на землю. Но не вцепилась, а замерла на месте, как-то недоуменно покачиваясь на тонких паучьих лапах. Щелкнул

выстрел, и она осела вниз. Рядовой заметил, как Степан, скривившись в болезненной гримасе, поспешно прикусил зубами висевший у него на шейной цепочке непонятный предмет – похоже, какой-то оберег.

Призраков Никольский не заметил. Только пахнуло смрадным ветром, откуда-то налетел горький туман, но развеялся клочьями у самого колодца. Первым в его черный зев заглянул пожилой старшина, выпустив туда наугад пару автоматных очередей.

– А ну, тихо! – сказал невесть как снова оказавшийся рядом Нефедов, и Сергей, глянув на него, поразился, увидев мокрое и серое от боли лицо, как будто старшину что-то жевало изнутри, но он еще держался.

– Тихо! – повторил Степан и тут же сказал, – ты лучше давай, старшина, сам туда лезь.

«Да вы что?!» – хотел заорать во весь голос Сергей, и тут же осекся, увидев равнодушные лица солдат. Даже Ольга, замершая поодаль с пистолетом в руке, ничего не сказала, слепо уставившись в одну точку. Седоусый старшина молча кивнул головой, бросил автомат, будто бесполезную железяку и вскочил на край колодца. Сергей дернулся к нему – помочь, остановить, но старшина уже камнем рухнул вниз.

Время замерло. Никольский остановившимся взглядом смотрел на колодец – и тут сруб точно взорвался. Вверх полетели обломки почерневших бревен и брызги воды, которая искрящимся фонтаном застыла над головами. А потом из колодца показалась голова старшины, который, вцепившись в кого-то, тянул его наверх, одной рукой держась за цепь журавля.

– Быстро! – окрик Нефедова хлестнул кнутом. – Помогать ему, ну!

Сергей кинулся к колодцу и вцепился в ворот мокрой гимнастерки, вытягивая старшину наружу. Тот с хрипом перевалился за край, и Никольский увидел, что второй, полоторванной рукой он намертво сжимает за горло кого-то, заросшего черной шевелящейся шерстью, отдаленно напоминающего горбатого человека. И тут же рядовой почувствовал тупой удар в грудь, напротив сердца. Его откинуло от сруба, но другие солдаты уже тянули колдуна наверх.

Никольский поднялся с земли и посмотрел на грудь. Гимнастерка была разорвана, и точно под левым соском торчал длинный железный штырь, пробивший сердце. Но боли не было, и никаких неудобств не было тоже. Сергей попытался было вздохнуть, и тут же понял, что это совсем не обязательно, и что все это время он не дышал. Попытался удивиться или рассердиться, но не получилось, словно все это время чувства, которые он испытывал, были только воспоминанием о них. Зато теперь он помнил – но тоже отстраненно и равнодушно – как поднялся ночью с досок старого блиндажа, превращенного в госпитальный морг, – поднялся он, и с ним еще десяток таких же убитых. Последний резерв зачистки.

Тогда он повернулся, и молча двинулся обратно к куче солдат. Втиснулся между ними и ухватился за холодную мокрую кожу завывающего колдуна.

Степан Нефедов выпустил из губ оберег. Боль уже ушла, больше не раскалывалась голова – видимо, заклятье исчерпало Силу. Он сделал несколько шагов и не удержался – шатнуло. Тогда Степан сел прямо на землю и, не оборачиваясь, сипло приказал:

– Кончайте его.

И зажал ладонями уши, согнулся, весь сморщившись. Не в человеческих силах было выдержать страшный крик колдуна, которого заживо рвали на куски мертвые солдаты. Он не мог причинить им никакого вреда – поэтому кричал и кричал, распадаясь на кровавые части.

Потом вой прекратился.

Нефедов встал. Он облизнул соленые губы и почувствовал вкус собственной крови, которая текла из носа. Старшина размазал ее по подбородку, махнул рукой и повернулся.

Солдаты стояли и молча глядели на него. Они не двигались. Ольга... Федор... Сергей... пожилой старшина... никто из них не шевельнулся и ничего не сказал, когда стар-

шина Нефедов достал из нагрудного кармана тонкую металлическую пластинку со сложными символами. Он сглотнул и криво усмехнулся.

– Ну, вот и все. Жаль, анекдот я вам так и не рассказал. Да это ничего. Благодарю за службу... а Родина не забудет... – И переломил пластинку пополам. Бросил обломки в лебеду и пошел прочь, не глядя, как беззвучным пламенем вспыхивают и исчезают тела.

Грузовик на опушке уже урчал мотором.

9. Круг земной

Метель разыгралась к ночи.

Завьюжило так, что вытянутой руки было не увидеть, – снежные хлопья неслись над землей, хлестали по деревьям, переметая все тропки и дороги. Беда человеку, который в такую круговерть окажется в лесу, далеко от жилья. Пропадет ни за что.

Деревня Грачи словно бы замерла. Даже собаки не перегавкивались, отлеживались по конурам, взъерошив шерсть. Редкие окошки светились сквозь снежную муть – в такую погоду даже сена корове подкинуть, и то хозяину надо набраться смелости.

Но военный грузовик, с кузовом, крытым брезентом, упорно пробивался по заметенной дороге. Рычал мотором, порой буксовал на одном месте. Тогда из-под тента молча выпрыгивали люди, наваливались плечами на мерзлое дерево кузова, выталкивали машину вперед и снова забирались под брезент. К полуночи трофейный «Опель Блитц» въехал в Грачи и замер, почти уткнувшись тупым носом в стену крайней избы.

– Ни черта не видно!

Шофер, молодой парень в черном танковом комбинезоне, матюгнулся и вылез из кабины. Помогая фарам ручным фонариком, он посветил вокруг и похлопал по брезенту.

– Вылезай, приехали!

На голос лениво отозвалась собака – забрехала, зазвенела цепью. Скрипнула дверь, и на пороге избы встал здоровенный мужик в рубаше и подштанниках, с берданкой в руках.

– Кого там черти носят ночью? – громыхнул он могучим басом. Под луч фар вышагнула фигура в черном, отозвалась спокойно:

– Чего ругаешься? Раз носят, значит, надо. Особый взвод, остановимся у вас тут на денек, – жилистый, невысокий мужик, по погонам судя – старшина, поднялся на крыльцо, не обращая внимания на ружье. Волосы на его непокрытой голове трепала вьюга. Хозяин невольно отступил на шаг, а когда глянул на петлицы – крест в звезде, так и вовсе опустил берданку и отвел глаза.

– Охотники? – пробормотал он и посторонился. – Заходите в избу... товарищ старшина. Только тесновато у меня, тут уж не обессудьте. Жена, да трое ребятишек. Да замолкни ты! – это уже выскочившему с лаем псу.

Старшина обернулся в темноту, что-то тихо и неразборчиво сказал подбежавшему шоферу. Хозяин тем временем во все глаза смотрел, как из кузова один за другим бесшумно выпрыгивают солдаты. Подошли ближе, выстроились у крыльца. Все как один – широкоплечие, косая сажень в плечах, и самый малорослый – на полголовы выше командира.

– Разобраться по избам! – приказал старшина. – Саша, машину загони во двор и укрой, как следует, а то с утра не откопаем. Выполнять...

Солдаты мгновенно исчезли в метели. Проводив их взглядом, старшина снова повернулся к хозяину и усмехнулся.

– Не узнаешь, Николай? Понятное дело, давненько я у вас не был. Ну, зови в дом, что ли. Парень я не гордый, где постелишь, там и лягу. – И, не дожидаясь ответа, сам шагнул в сени. Оторопевший мужик повесил берданку на гвоздь и поспешил следом за неожиданным гостем. В избе, при свете керосинки, которую зажгла полусонная жена, он усталился на старшину. Вгляделся хорошенько – и охнул.

– Степан? Ты, што ли? Степан Нефедов?

– Он самый, – военный пригладил волосы и сел на табурет, стягивая сапоги. Потом откинулся на стену и устало прикрыл глаза.

– Дак... это же сколько лет-то прошло? – Николай суетился, озадаченно взмахивал руками. Огромный, он был похож на медведя, который отмахивается от надоедливых пчел. – Ведь в самом начале войны еще...

– Да не мельтеши ты, Коля, – отмахнулся Нефедов, – сядь вот лучше, расскажи, что тут у вас и как?

Хозяин присел на скрипнувшую под ним скамью. Потом спохватился, снова вскочил.

– Степан, так что ж мы насухую-то с тобой разговоры разговариваем? У меня вот и самогон есть, и сало...

– Не пью, спасибо, – покачал головой Степан, – не приучен. Чаю выпью с удовольствием, а если и сахару в него положишь – так и совсем спасибо.

– Наталья! – шепотом, прозвучавшим чуть тише обычного баса, позвал жену хозяин. – Чайник поставь!

Его жена молча повозилась у печки, вздула огонь, поставила объемистый чайник и снова ушла в другую комнату, даже вроде бы и не глянув в сторону ночного пришельца. Нефедов улыбнулся.

– Хорошая у тебя хозяйка, Николай, нелюбопытная.

– Э! – махнул рукой мужик. – Ты не смотри, что слова не сказала. Завтра вся деревня знать будет, что ты вернулся. Баба же, сам понимаешь...

– Пусть говорит, – Нефедов думал о чем-то другом. Он рассеянно погладил кота, который мявкнул и перевалился на другой бок. Спросил: – Так значит, в Грачах спокойно все?

– А что здесь делается? Всю войну тишина была. В начале, говорят, тоже. Да что я тебе рассказываю-то? Я как на пятый год по ранению комиссовался, сразу в председатели сельсовета и попал... Так и живем.

– Председатель сельсовета? – хмыкнул Степан. – Ишь ты. И в лесах спокойно?

– Так ведь ваши-то, Охотники, здесь в войну не один раз проходили. Тишь да гладь, – Николай помялся нерешительно, а потом все же спросил: – Слышь, Степан, вы-то сюда по заданию, или как?

– Или как, – отозвался Нефедов, снимая кипящий чайник, – или как. Постоим тут у вас сутки, отдохнем, метель переждем – и дальше поедem. Здесь нам делать нечего.

– Ну и слава богу, – Николай заметно повеселел, видно было, что разом успокоился и ободрился. – И то верно – что вам здесь делать-то? Но, однако, нагрязнул ты, Степан, нагрязнул... Кто бы и знал, что ты живой? Ведь даже Татьяна не верила.

Он осекся, увидев, как Степан медленно поставил жестяную кружку на стол. Молчали долго. Потом старшина провел ладонью по лицу, словно смахивая что-то, и глухо спросил:

– Она здесь?

– Жива-здорова, – растерянно сказал Николай, виновато сутулясь на табурете, – как раньше одна была, так и сейчас.

Нефедов поморщился, как от сильной боли, и встал. Он сильно побледнел и теперь какими-то медленными, неуверенными движениями обхлопывал себя по карманам. Все-таки нашел коробку папирос, потоптался на половике и как был, босой, вышел в сени. Через пару минут Николай вышел вслед за ним.

– Степан... Ты чего? Что стряслось-то?

– Она что, замуж так и не вышла? – спросил Нефедов, в темноте жадно затягиваясь «Казбеком». Красный огонек на конце папиросы разгорался и угасал с легким треском.

– Вон ты о чем... Да нет. Женихи к ней сколько раз приезжали, а она им – от ворот поворот. Девка-то видная была, да и сейчас в самом цвете. А не идет замуж и все. Наотрез отказывается всем. И отец ейный понять не может – отчего так? Как-то раз выпил он, обозлился, и на нее с вожжами попер. Поучить хотел дочку. Мол, вышибу дурь из головы! Так она руку ему перехватила. И говорит – если еще раз такое случится, уйду и только ты меня и

видел. Старик вожжи бросил, поругался еще для порядку, да тем и закончилось. Все ж таки любит он ее, дочка ведь.

– Понятно, – окурок зашипел и погас в снегу. Степан захлопнул дверь. Пурга уже успела нанести снегу на порог.

– Ладно. Утро вечера мудренее. Коля, ты постели мне где–нибудь, устал я как собака.

Вскоре хозяин уже могуче храпел в соседней комнате. А вот Степану Нефедову, лежащему на полу под тощим одеялом, не спалось. Не от холода – протопленная печь исправно грела, да и не боялся старшина никаких морозов. Он ворочался с боку на бок и вспоминал, прогоняя от себя сон.

Осень сорок четвертого года выдалась жаркой. Долго стояло бабье лето, и еще даже в октябре казалось, что до зимы далеко.

Только вот лесные пожары не давали продохнуть. Горький дым стелился над проселками, забивался в дома. Горели торфяники в Прилогах, у Артузовских карьеров, под Коммунарами и Чернодольем. Грачи стояли в стороне, и гарью их не задело.

Но потом пришла беда пострашнее.

Один из сельчан, который забрел далеко в лес, нашел на дереве парашют. Купол висел высоко, прочно надевшись на острые, как пики, сучья старой сухой липы. Под ним болтались резанные стропы. Парашют был немецким, но вот что интересно – следов того, кто эти стропы обрезал, спрыгнул и ушел, на влажной земле не оказалось. Только еле заметный отпечаток ноги. Хватило и этого – местный лесничий, Федор Марков, мужик битый-перебитый жизнью, прошедший и суму и тюрьму, один лишь раз глянул на примятую глину и сразу помрачнел.

– Альв, мужики, – сказал он сквозь зубы. – Черный альв, не наш.

А когда собравшиеся стали галдеть, спрашивая, с чего он так решил, Федор зыркнул на них свирепо и снял с куста шиповника кожаный ремешок с непонятными мудреными узлами на нем. Кинул приезжему из района уполномоченному, который с досады в душу бога мать выругал своих солдат, прохлопавших такую вещь. Вязка и точно, была альвовская – такими они обозначали количество ими убитых.

– Ты не подумай, лейтенант, что этот шнурок черный здесь просто потерял. Нарочно он оставил, чтобы презренье свое показать к нам, людям: мол, сроду не поймаете, сколько не ищите, а вот я вам дам хлебнуть... Так что помяните мое слово – крови будет много.

Уполномоченный с командой, расквартированной в Прилогах, обрыскал все леса, да только немецкий диверсант как сквозь землю провалился. А кровь не заставила себя долго ждать.

Ночью перед самым рассветом в Прилоги пришли гули.

Откуда взялась эта нечисть, самая страшная, болотная – гадать не приходилось. Они шли и шли, подгоняемые неслышным черным приказом; возникали на лесной опушке, как будто вырастая из земли. Серые, сгорбленные, с бесформенными черепами, обтянутыми жесткой шкурой, с отростками позвонков, торчавшими на спине. Гули были повсюду, и деревенские только успели похватать кто вилы, кто ружьишко – но уже было поздно и все кончилось быстро. Спасти удалось только двум мальчишкам, выпасавшим в ночное лошадей. Появившиеся утром соседи из Чернодолья не нашли деревни. Дымились, догорая, избы и повсюду – на траве, на земле, на расщепленных бревнах – была кровь. Брызгами и целыми лужами. От самого городского лейтенанта, форсившего перед деревенскими девчатами в хромовых сапогах и новенькой форме, осталась только офицерская планшетка, да пистолет с расстрелянной обоймой. А от ночных тварей на солнечном свету остались только дотлевающие кости.

Страх сгустился над лесами. И был этот страх неистребимым, смертным, заставлял бледнеть даже отживающих свое стариков. Война, которая шла где-то там, далеко, достала и до этих мест.

Тогда сверху тяжким молотом бахнул приказ – сельсоветам не предпринимать никаких действий! ждать! не паниковать! И уже через три дня в Грачах высадилась новая команда. Вел ее спокойный, как камень, старшина. Мужики из района поглядели на него и недоверчиво закачали головами – морда самая что ни на есть рязанская, шрам на щеке, росту сред-него. Разве ж такой справится?

Степан хорошо запомнил тот день. Едва его взвод попрыгал в дорожную пыль, как на них всем скопом налетели ревущие навзрыд бабы, с воплями и причитаниями мельтешившие перед глазами. Еле выдравшись из их цепких пальцев, Степан облегченно вздохнул, дал команду разойтись по хатам, а сам отправился в сельсовет.

Уже издалека, подходя к избе, над которой бился по ветру линиялый красный флаг, старшина с удивлением услышал переборы гармошки. Мужской голос выкрикивал частушки, в которых через слово – мат-перемат. Нефедов подошел ближе и увидел, как две бабы тянут за рукав пиджака рослого детину, пьяного в дугу и напрочь расхристанного. Красная его рубашка, по всему видать, недавно купленная, была разорвана на груди и вымазана грязью. Парень отмахивался от настойчивых уговоров и продолжал орать похабщину.

Потом он швырнул трехрядку на землю и подобрал валявшийся на дороге камень. Не успели бабы и охнуть, как в доме напротив, с голубыми ставнями и заросшим палисадником, зазвенело выбитое стекло. Дитина победно выматерился и замахал кулаком.

– Танька! Вот тебе, стервь такая! Чтоб знала, кому отказываешь! – надсадно проорал он. Потом схватил было другой булыжник, но тут же охнул и выронил его, потому что рука словно попала в тиски. Рванулся, но без толку. Нефедов, не спеша, разжал его пальцы и вынул из них камень.

– Тебя самого по пустой голове этим бы камнем приласкать, – сказал он, – чтоб сквозь дырку мозгов чуть-чуть добавилось. Да только боюсь, последние утекут.

– Ты еще кто такой? – оскалился дитина. Думал он недолго и сразу замахнулся, чтобы ударить непрошеного заступника кулаком – в лицо, сразу наверняка, чтобы потом затоптать сапогами.

Промахнулся.

Степан чуть отклонился вбок и приласкал буяна ударом открытой ладони в лоб. Вроде бы и не сильно двинул, но в воздухе мелькнули грязные сапоги, и парень всем своим немалым весом грянулся об землю. Не успел он прийти в себя, как старшина поднял его за ворот, как щенка. Чувствуя на шее твердые, будто деревянные, пальцы, парень присмирел и стоял теперь на коленях, мотая лохматой головой.

– Здоровый мужик, – задумчиво сказал Нефедов, глядя на замолчавших баб, – здоровый, а не в армии. Руки-ноги вроде на месте. Ну?

– Я на побывке. Извиняюсь, – хрипло сказал протрезвевший горе-гармонист. Встать он и не пытался – мимолетный взгляд старшины, равнодушно скользнувший по его лицу, отбил всякую охоту подниматься на ноги.

– Так. Забирайте его, – старшина отступил на шаг и женщины, словно того и ждали, бросились к парню, – и чтоб больше я его здесь не видел. Увижу еще раз – отправлю в район.

Он повернулся и пошел, чувствуя, как в спину угрюмо и хмуро смотрят.

– Погодите! – высокий женский голос взвился в тишине. Степан остановился и повернулся. Светловолосая девушка, открыв скрипнувшую калитку, встала в палисаднике.

– Слушаю, – спокойно сказал он, оглядев ее с ног до головы. Высокая, статная, и смотрит прямо, не отводя синих глаз. А еще... Взгляд его на миг потемнел, потом стал таким, как обычно.

– Спасибо, – серьезно сказала девушка. Потом, секунду поколебавшись, протянула руку, – Татьяна.

Степан пожал крепкую теплую ладонь и внезапно почувствовал, что сам смущается. С чего бы? Поморщился, махнул рукой.

– Не за что. Степан Нефедов.

– Получается, есть за что, – усмехнулась Татьяна. – Вы, товарищ старшина, не знаете, как этот Колька распоясался. Пятый день здесь на побывке, а уже... – она не договорила. Степан хмыкнул.

– Больше не будет, – коротко пообещал он, развернулся и пошагал к сельсовету. Татьяна смотрела ему вслед, заслоняясь рукой от яркого солнца.

Уже вечером, выйдя на крыльцо после долгого разговора с задержанным председателем, Степан остановился и закурил. Председатель Прокудин – одноногий мужик с запавшими от недосыпа глазами и редкой бородой, беспрерывно смоливший махру, не сказал ему ничего нового. Путаный получился разговор и непонятный. Людей по деревне удалось разместить быстро и без всяких накладок, а вот про другое председатель говорил скупно.

Ясно было одно – в окрестных лесах неспокойно. Прокудин давно уже строго-настрого запретил ходить в лес поодиночке. За дровами теперь приходилось отправляться целой артелью, а женщины и вовсе не ходили по грибы и ягоды – боялись. После того что случилось в Прилогах, в этом не было ничего удивительного.

Нефедов пожал плечами. Потом сосредоточился, свел брови, стиснул зубы. И тихо, одними губами, шепнул:

– Ласс, ко мне.

Ничего вроде бы не случилось, только за спиной загустела до полной черноты тень, падавшая на землю. Потом в тени кто-то шевельнулся, встал и вышагнул вперед.

– Слушай, Ласс, – не оборачиваясь, сказал старшина, – такой приказ. Нужно обойти деревню по периметру. Пройтись по опушке, посмотреть на следы. Особое внимание – на ручей, который из леса в озеро впадает. Видишь тот лесок? – Нефедов указал на березовую гриву, врезающуюся в поле. – Начни оттуда.

Какая-то старуха, вывернувшая было из переулка, испуганно ахнула и опрометью метнулась обратно, гремя пустыми ведрами на коромысле. Альв проводил ее презрительным взглядом, улыбнулся, показав острые белые зубы. Молча кивнул и отступил обратно в тень, исчез так же неслышно, как и появился. Степан бросил окурочек в пыль и отправился дальше. Он шел в церковь, давно приметив крест, видневшийся из-за домов неподалеку.

Небольшая церквушка встретила Степана распахнутыми дверями и полной тишиной. Старшина вошел, на ходу стянув с головы фуражку. Креститься на закопченные иконы не стал, гулко покашлял в кулак. Откуда-то послышался голос:

– Кто там?

Степан промолчал. Из притвора, спешно вытирая руки тряпичной салфеткой, вышел священник – сухонький старичок, одетый в выпачканный известкой подрясник. Его длинные седые волосы были собраны в косицу и перевязаны ремешком.

– Извиняюсь, – прошамкал он бодро, – ремонт у нас. Храм совсем обветшал, вот и занимаюсь помаленьку, с Божьей помощью.

Он поздоровался со Степаном за руку.

– Отец Мефодий. А вы кто ж будете?

– Степан Нефедов. Командир особого взвода. Из города к вам, батюшка, прислали.

– Понимаю, понимаю, – священник мелко закивал, – самое время. Нечисть разгулялась не на шутку, словно последние дни близятся...

Они долго разговаривали, сидя на лавке. Священник, на удивление, оказался толковым. Он сам предложил Степану то, о чем тот хотел просить – с молитвой обойти все дома в

Грачах и окропить их святой водой. Старшина, правда, особо на это не полагался, да и сам отец Мефодий, уже прощаясь, сокрушенно вздохнул.

– Поможет ли? – только и сказал он, и, шаркая ногами, скрылся в церкви.

Поглядев на треснувший циферблат стареньких трофейных часов, Нефедов спохватился и с досадой присвистнул. Время было уже позднее, а он, захопотавшись, совсем забыл о том, что надо где-то устроиться на ночлег.

– Елки-палки! – громко сказал старшина, соображая, что делать. И тут же заметил в сумерках что-то белое. Приглядевшись, Степан понял, что к нему приближается женщина в головном платке, накинутом на плечи.

Татьяна подошла ближе и встала совсем близко, глядя на него безмятежными глазами.

– Это вы, товарищ старшина? – спросила она, и тут же рассмеялась. – Ой, да я же забыла, что Степан вы. Полуночничаете, Степан?

– Да нет, – Нефедов почесал в затылке, – совсем из головы вылетело, что надо бы с постоем определиться. А сейчас придется в машине спать. Хорошо хоть, своих расквартировал.

– Зачем же – в машине? – снова улыбнулась Татьяна. – Пойдемте к нам. Отец у меня сам солдат, воевал в японскую. Поймет. Да и что тут рассуждать, кто откажет, если власть вас прислала?

Старшина пробормотал что-то невнятное, но тут девушка сама взяла его за руку. Он невольно дернулся в сторону, смутился еще сильнее, но послушно пошел за Татьяной, поглядывая по сторонам. Но все было тихо, только перебрехивались по дворам собаки.

Месяц, выкатившийся из-за туч, бросил поперек улицы длинные тени от телеграфных столбов. Татьяна шла быстро, изредка взглядывая на Степана и улыбаясь. Они уже почти дошли до знакомого палисадника, когда Нефедов вдруг резко остановился.

– Стоп, – негромко сказал он, а потом добавил: – Вы, Таня, не пугайтесь.

Но девушка все равно тихо ахнула и прижалась к Степану, когда из черной тени выступил Ласс, сверкнув холодной белозубой ухмылкой. Нефедов осторожно отстранил Татьяну, мысленно ругая сам себя – черт-те что, связался на свою голову. Альв молчал, но старшина успокаивающе кивнул ему головой, и Ласс начал говорить тихим, шипящим голосом.

И то, что он докладывал, было скверно.

– Много следов. Они были здесь прошлой ночью. Наблюдали. Не напали, хотя могли. Следы везде, но больше всего их – в том лесу, на который ты показал. Ты был прав, Старший, – альв качнул головой.

– Продолжай.

– С ними был один... из нас, – последнее слово далось Лассу с заметным усилием, он выговорил его почти с ненавистью. – Он их вел.

– Гули? – спросил Степан.

– Да. И не только. – Альв посмотрел на прищурившего глаза командира и бесстрастно продолжил: – И болотные псы. Они нападут, Старший. Скоро.

– Понятно. Иди, – Нефедов невидяще смотрел перед собой, не заметив, как Ласс снова пропал, став одним из сгустков теней. Степан выругался и тут же осекся, вспомнив, что рядом стоит Таня. Она смотрела на него, прикусив нижнюю губу и комкая в руках платок.

– Извините, Таня, – сказал он, – не ночевать мне у вас сегодня. Сами видите, не до сна теперь...

И, едва договорив последнее слово, исчез, скрылся за углом почти так же стремительно как альв, оставив растерянную девушку одиноко стоять у калитки.

Остаток ночи пролетел пулей.

Разбуженная Лассом людская команда мгновенно и споро принялась за дело, бесшумно рассредоточившись на краю деревни, у ручья, который отрезал крайние избы от темнев-

шего леса. Председатель Прокудин, которого старшина поднял с кровати, засуетился было, хотел позвонить в район, но эбонитовый аппарат глухо молчал, только потрескивало что-то в трубке, словно никакой телефонной связи здесь отродясь не было.

– Гони баб с детьми по погребам! – скрипя зубами от злости, приказал Степан пацану – председателю сыну. – Приказ, скажи! А мужики пусть берут ружья и по дворам караулят, ясно?

Пацан суматошно умчался, а старшина кинулся к своим.

Гули пришли под утро.

Вначале дозорным показалось, будто стена леса колыхнулась и стала медленно двигаться вперед. Потом по ноздрям людям ударил запах – жуткая трупная вонь. Одновременно стал слышен скрежет, словно кто-то с силой сцеплял костяные гребенки. Отец Мефодий, мелко крестясь, обошел позицию, не устывая махать кропилом, – остановился только там, где молча сидели на корточках трое альвов, неспешно заряжая винтовки.

– А теперь идите, батюшка. – Степан благодарно пожал священнику руку. – Помоли-тесь за тех, кому это нужно.

– За всех помолюсь, – прошамкал отец Мефодий. – Коль воины на правое дело идут, тут уж Господь не разбирает, кто в какой вере.

– Ласс, за мной, – приказал старшина, уже не слушая. – Саня, за старшего!

И кинулся вперед по высокой траве, забирая вправо и огибая по широкой дуге гриву леса, чтобы зайти сзади.

Теперь, спустя долгое время, Степан никак не мог вспомнить – кто начал бой? Вроде бы, когда гули, рыча и беснуясь, подступили совсем близко, и самые резвые из них уже вытянули вперед когтистые руки, их встретили автоматные очереди и гулкие одиночные выстрелы снайперских винтовок альвов. Мертвая нечисть перла вперед и разлеталась гнилыми обрывками, заливая траву вонючей сукровицей.

А потом через бесформенные головы тварей длинными прыжками перемахнули болотные псы.

Составленные из обрывков плоти и обломков костей, перемотанных водорослями и сухожилиями, они двигались с ошеломляющей быстротой, только вперед, выискивая безглазыми мордами живых. Но это были не те живые – они не стояли кучей, отмахиваясь вилами и палками, не промахивались и не бежали в страхе. Альв Тэссер первым бросил винтовку и взметнулся вверх, на лету несколькими взмахами располозовав пса костяным клинком. Вслед за ним в рукопашную поднялись и все остальные. Люди дрались молча, псы и гули хрипели, умирая на ножах.

Степан бежал, раздвигая кусты. Подлесок кончился, и теперь старшина, не останавливаясь, неся по березняку, перепрыгивая через бурелом. Он и сам не смог бы сказать, почему бежит именно туда, вглубь, где березы сменялись елями. Ноги несли сами, и костяной амулет на груди резал шею, наливаясь мертвенной, ледяной тяжестью. Где-то рядом черной тенью скользил Ласс – кровный должник, брат, Стерегущий Спину.

Они выскочили на маленькую поляну оба сразу – и покатались по траве, сбитые тяжелой волной заклятья. Кувыркнувшись через голову, Степан вскочил, не обращая внимания на боль: словно бритва прошла по груди, и гимнастерка уже висела лентами, пропитываясь кровью.

Посреди поляны, странно горбясь, стояла фигура, по горло затянутая в черный комбинезон.

Альв.

Нефедов перебросил кинжал из руки в руку, ощерился не хуже волка. Свистнул пронзительно и кинулся вперед. Но альв махнул рукой, и из леса на поляну выскочил десяток псов.

– Что ж ты, сука, – зло рассмеялся старшина, стягивая с плеч гимнастерку, – сам справиться не можешь? Собак позвал?

Болотные псы бросились на него. Сбоку предостерегающе вскрикнул Ласс, махнул ножом – гнилые брызги полетели в разные стороны. Альв посреди поляны не шевелился, но из леса выбегали все новые и новые псы, проворно неслись вперед, скаля пасти, полные разномастных зубов. Степана снова сбили с ног и теперь он крутился на траве, заляпанной кровью, сорванным голосом выхрипывая матюги.

Черный альв впервые поднял голову. Он улыбался. Очень медленно диверсант начал произносить слова – на древнем, скрежещущем языке. Одно за одним срывались они с его губ, и воздух постепенно начал мерцать и свиваться бледными вихрями, срезавшими траву.

«Хана, – пронеслось в голове у старшины, стряхивавшего с клинка ошметки болотника, – сейчас он договорит – и все, хана». Черный воздел вверх длинные, бледные ладони, готовясь произнести последнее слово, которое сомнет, разметает врагов, превратив их в желе, развешанное по ветвям деревьев.

И упал.

Нефедову показалось, что из леса вылетела белая молния, которая поразила альва в голову, лопнувшую кровавым дождем. Нелепо мотнув руками, труп отлетел на несколько метров и упал прямо на спины сгрудившимся псам. Лязгая челюстями, те принялись ожесточенно рвать его на части, не замечая, что и сами разваливаются, превращаются в прах, разлетающийся под последними порывами ветра.

– Ласс! – позвал Степан, озираясь по сторонам. – Живой?

– Здесь, – устало отозвался его товарищ. Он сидел на траве и раз за разом втыкал лезвие ножа в землю, счищая с него чужую кровь. Старшина тронул его за плечо и тоже посмотрел туда, куда был направлен застывший взгляд альва.

Она была белой.

Замерев посредине поляны, волчица смотрела на Степана – зрачки в зрачки, не отрываясь, и вздыбленная шерсть на ее загривке постепенно укладывалась. Нефедов без страха подошел к ней, но только лишь протянул руку, как она отпрянула и одним длинным прыжком скрылась в лесу. Старшина сел и покачал головой.

– Вот оно как... – сказал он, глядя в землю.

* * *

Взвод уезжал. Солдаты уже погрузились в машины, бережно поставили носилки с ранеными. Альвы ушли раньше – повесили за спины винтовки и растворились в сумерках.

На рассвете Степан подошел к дому с голубыми ставнями. Он опустился на корточки, нашарил под ногой мелкий камешек и, несильно размахнувшись, кинул его в стекло – дзынь! Подождал немного, но все было тихо, никто не поглядел в окно. Нефедов постоял еще, потом пожал плечами и пошел по улице.

– Степан...

Татьяна, бледная, стояла, прислонившись к забору, и смотрела на него. Он подошел к ней и взял ее лицо в ладони. Погладил по щекам.

– Спасибо. Спасла.

– Ты... сразу знал?

– Сразу? – переспросил он недоуменно. Потом понял. – А, ну да. Как только увидел.

– И не сказал никому? – переспросила девушка недоверчиво. Степан спокойно улыбнулся.

– Зачем? Живете среди людей – ну и живите себе. Вас таких мало. Вон, даже священник – про тебя знает, а истребить не просит.

Степан еще раз погладил Татьяну по щекам. Потом вдруг, как будто решился – быстро поцеловал в губы и отвернулся.

– Прощай, Таня.

– Вернешься? Степан! – голос ее прозвенел перетянутой струной, чуть тронь – и оборвется. Но он не обернулся.

Скрипнул песок под каблуками сапог, и вечный «государев мужик» Степан Нефедов пропал в утреннем тумане, оставив за спиной успокоенно спящую деревню Грачи. Он шел, сжав губы, и холодная роса каплями стекала по его лицу.

Степан вышел на крыльцо и потянулся, щурясь от яркого света. Метель улеглась и теперь снежные сугробы, которые намело за ночь, искрились на солнце. Старшина довольно хмыкнул и глянул за ворота. Грузовик уже стоял – мотор работал и клубы синего дыма плыли над дорогой.

– Ну, Николай, бывай, что ли, – Степан обернулся и пожал руку хозяину, выбравшемуся из избы следом. Потом что-то вспомнил и улыбнулся. – На гармошке-то больше не играешь?

Николай басовито рассмеялся.

– Да уж и забыл давным-давно. С войны не играл...

Он долго смотрел, как Степан пробирается к калитке, отгребая снег, и вдруг окликнул его.

– Старшина... Ты это... К Татьяне не пойдешь, что ли?

Нефедов, уже взявшийся одной рукой за щеколду калитки, посмотрел на него.

– Нет, Коля. Не пойду. Незачем ей душу бередить зря.

– Ну так... – мужик растерянно хлопал глазами.

Степан ткнул пальцем в сторону грузовика.

– Видишь? Вон мои дети, Коля. С бору по сосенке. Большие уже, и порошу нюхали, и крови хлебали. А все одно – дети. Каждого как свои пять знаю.

Он открыл калитку и пошел к грузовику. Запрыгнул на подножку, обхлопал шинель от снега. Стукнул дверцей и уже на ходу прокричал, высунувшись в окно и перекрывая взревевший мотор.

– Вернись, Коля! Вернись!

10. Награда

Часы на Спасской башне пробили полдень.

Степан еще раз огляделся вокруг, пытаясь запомнить и удержать в памяти сразу все – неровную брусчатку Красной площади, ели у стен Кремля, купола собора Василия Блаженного, где как раз начиналось богослужение. Церковный звон переплелся с боем курантов, эхо отдавалось от стен, и Нефедову на секунду показалось, что вся площадь гудит, как один большой колокол.

Он посмотрел на часы и заторопился. Привычно большими пальцами заправил складки гимнастерки назад под ремень, поправил фуражку и шагнул к воротам Кремля. Пока часовой в будке внимательно изучал его пропуск, Степан стоял неподвижно, глядя вперед, туда, где виднелась дорога, ведущая вглубь старой крепости.

Потом у него еще несколько раз проверяли документы. Мимо, скользя по нему взглядами, то и дело проходили офицеры, которым Нефедов машинально козырял, думая о своем. Наконец, возвратив ему пропуск, очередной часовой указал на двери большого здания:

– Проходите туда, товарищ старшина. Там подождите.

Степан вошел в вестибюль и начал уже неспешно подниматься вверх по широкой, застеленной ковровой дорожкой лестнице, как вдруг кто-то хлопнул его по плечу.

Он обернулся. Позади, слегка запыхавшись, стоял улыбающийся пехотный майор в новеньком парадном кителе с несколькими рядами орденских планок на груди.

– Степан? Это ж ты, Нефедов! Ну, быстро ходишь, ничего не сказать. Еле догнал тебя.

– Не припомню, товарищ майор, извините, – старшина сокрушенно развел руками.

– Да ты что, Степан? Ну давай, вспоминай! Ну? Помнишь Ельню, сорок второй, про-
рывались мы к своим? Ну? Костя-лейтенант!

Да, теперь Нефедов вспомнил его.

Тогда, под Ельней, в адском котле окружения, куда немцы бросили самые отборные свои части, чтобы стереть в пыль две русские армии, этот Костя, совсем еще молодой паренек, был взводным. И он же стал единственным выжившим из всего своего взвода. После очередного артналета он, с ног до головы перемазанный грязью и кровью, скатился в траншею, где Нефедов со своими, матерясь, вычищал глину из ушей и волос. На короткий вопрос: «Кто такой?», который ему задал огромный, вечно молчаливый Чугай, парнишка трясущимися губами сумел пробормотать:

– Костя я... Костя-лейтенант, – а после этого долго озирался, не понимая, над чем так хохочут эти солдаты, одетые в разномастные куртки и маскировочные комбинезоны. Степан вывел его вместе со своими из котла, потеряв только четверых, хотя леса, по которым пришлось идти, дышали смертью.

За ту неделю под Ельней Костя-лейтенант, вчерашний курсант, изменился навсегда. Он видел, как стреляют альвы, молниеносно перезаряжая винтовки и улыбаясь. Он слышал, как по следам взвода ночью мчатся вурдалаки, переговариваясь ревом и завыванием. Он отстреливался от наседавших тварей, состоявших словно бы только из клыков и когтей. И он видел, как тот самый Чугай, так после встречи и не перемолвившийся с ним больше ни одним словом, – как Чугай, взревев по-медвежьи, отмахнувшись от бинтовавших его смертельную рану, кинулся прямо с носилок на вылетевшего из чащобы оборотня, ломая его голыми руками.

Правда, Костя так и не узнал, с кем ему пришлось делить патроны и хлеб, оставаясь в уверенности, что старшина просто собрал уцелевших штрафников. Потом их пути разошлись – разбросало по фронтам. Пару раз еще Степан получал треугольники писем «от

К. Панфилова», которые сумели сумасшедшими путями догнать особый взвод. А потом и думать забыл о лейтенанте.

И вот сейчас давешний Костя стоял перед ним, блестя новенькими майорскими погонами.

– Ну надо же! – обрадовался Степан. Они обнялись, потом старшина оглядел майора с ног до головы, придерживая за плечи. – Да, Костя. Заматерел, не тот уже лейтенант, что был. Не тот.

– Тебе спасибо, Степан, – снова засмеялся майор, – если бы не ты тогда, и не твои... – он на секунду запнулся, едва не выговорив «штрафники», и досадуя на себя за это, продолжил, – не твои ребята, то и не разговаривали бы сейчас с тобой.

– Да ладно, – усмехнулся Нефедов, – брось старое ворошить. Сюда-то зачем, в Кремль? За наградой?

– А как же! – Панфилов с гордостью (видно, что уже не в первый раз) щелкнул замочком офицерской планшетки и достал сильно потершуюся на сгибах газету. Развернул, пальцем отчеркнул место в длинных списках награжденных.

– Вот. Панфилов Константин Андреевич, майор... Орден Суворова третьей степени. Еще в сорок девятом, оказывается, дали, да путаница в списках произошла. Однако разобрались.

– Молодец, майор! Стало быть, награда нашла героя, – пошутил Степан и тут же снова глянул на часы, – не опоздаешь?

Панфилов удивленно глянул на него, снова пряча газету в планшетку.

– А ты, Степан, разве не... – он снова осекся, словно бы новым взглядом посмотрев на старшину. Только теперь Константин обратил внимание на отутюженную, но старую, добела застиранную гимнастерку с единственной «красной звездочкой» на груди, на солдатские, до блеска начищенные сапоги. Опустил глаза – на фуражку с линиялым синим околышем, которую Степан держал в руке. «Понятно. Стало быть, обошли Степана по службе. Так и остался старшиной, сколько лет уже прошло, а ни одного ордена на груди. А ведь храбрый мужик, настоящий солдат», – подумав это, майор с сожалением, но в то же время с тайным чувством невольного превосходства покачал головой и протянул Нефедову руку.

– Ну что ж, Степан... Ты вот что. Давай-ка сегодня вечером мы с тобой встретимся, а? Посидим у друзей моих, выпьем, поговорим. Ты же не московский?

– Нет, – старшина вздохнул и руку пожал, – не могу я, Костя. Сам понимаешь – служба не ждет. Завтра уже обратно, дела...

В это время какой-то человек в обычном, гражданском костюме, проходивший мимо, окликнул их:

– Товарищи, а вы что же не в зале? Здесь опаздывать не принято.

– Эх! Увидимся, Степан, – махнул рукой Панфилов и побежал вверх по ступеням, перепрыгивая сразу через две. Нефедов усмехнулся и пошел за ним, машинально приглаживая ладонью волосы.

* * *

Кремлевский зал был полон. Сплошь кители и гимнастерки – редко-редко мелькнет среди них обычный пиджак. В шуме и говоре слышался смех и радостные восклицания, когда встречались друзья и знакомые. В глазах у Степана зарябило от блеска медалей. Летчики, танкисты, моряки – все сидели и ждали, и Нефедов тоже пристроился с краю на один из стульев, вытянул шею, стараясь углядеть, что творится впереди.

Вдруг зал замолчал – затих кашель, разговоры, и в этой тишине на сцену неторопливо поднялся сухонький старичок с совсем белой бородкой. Сосед Степана – капитан второго ранга с черной перчаткой-протезом вместо одной руки, громко сказал:

– Это ж Калинин! Сам Михаил Иванович!

Рядом кто-то захлопал в ладоши, потом аплодисменты подхватили и остальные. Калинин приветственно помахал рукой и подошел к микрофону. Овация все не стихала, и тогда он, улыбаясь, покачал головой и сказал:

– Товарищи... Товарищи!

И, во вновь возникшей тишине, стал зачитывать приветственную речь. Потом началось награждение, и Нефедов с волнением вглядывался в каждого, кто выходил на сцену, пытаясь узнать – не встречались ли, не с ним ли когда-то приходилось видеться на фронте? Но знакомых лиц не попадалось, и постепенно старшина перестал щуриться и принялся разглядывать уже награжденных. Почти у каждого дырочка для ордена была прокручена в сукне на груди заранее, и теперь, возвращаясь на места, они сразу же начинали привинчивать награды. У некоторых от волнения дрожали руки и сделать это сразу не получалось – тогда просили тех, кто сидел рядом. И Степан тоже помог соседу-ка-вторангу, получившему третий орден Красного Знамени.

– За что Знамя, товарищ капитан второго ранга? – шепотом, уважительно спросил он.

– За Балтику, старшина, – широко улыбаясь, отозвался тот, – эх и дали же мои катера там гадам прикурить! Только брызги летели!

Тут на них зашикали, и Нефедов снова замолчал, совсем погрузившись в воспоминания и уже не обращая внимания на то, что творится в зале. Кто-то пробирался мимо него к своему месту, кого-то вызывали, а он сидел и перед глазами проходил весь его взвод. Люди... альвы... живые и уже мертвые. Те, у кого права на награду было много больше, чем у него, безо всякого сомнения посылавшего их в самое пекло.

– ...старшина Нефедов, Степан Матвеевич! – в сознание Степана пробилась его собственная фамилия, которую назвал со сцены уже не Калинин, а тот самый мужчина в штатском костюме, что на лестнице предупредил их не опаздывать. В зале снова стояла тишина, только теперь уже другая – странная, напряженно звенящая. Нефедов обернулся по сторонам и поспешно спросил у кавторанга:

– Что такое случилось?

– Охотников начали выкликать, – тихо отозвался тот, – самих Охотников.

Тогда Степан встал, неловко положил фуражку на стул и шагнул по проходу, ведущему к сцене. Он шел, глядя прямо перед собой, и ему казалось, что весь огромный зал состоит только из блестящих, распахнутых ему навстречу, глаз.

Майор Константин Панфилов смотрел на идущего Степана, не веря своим глазам. А рядом вдруг приглушенно ахнул полковник-танкист, все лицо которого розовело глянцевыми пятнами старых ожогов.

– Мать честная! Так это же он... меня из танка вытаскивал!

А в третьем ряду потрясенно поднялся комбат морской пехоты, громадный мужик, скомкав в руке фуражку. Его дергали за китель, но он отмахивался: «Да погоди ты! Я же его помню! Если бы не они, смели бы нас маги в море... Они же все там полегли!». И все новые и новые люди поднимались с кресел и неверяще переглядывались, видя, как поднимается на сцену невысокий старшина в застиранной гимнастерке.

– Спасибо, товарищ Нефедов, – пожал ему руку человек в штатском. – От всех нас спасибо.

Он протянул раскрытую коробочку, и Степан нетвердой рукой принял ее, мельком увидев свой орден – четвертый Георгиевский крест.

– Служу Советской России, – хрипло сказал он и тут же зачем-то добавил: – Вы извините, что не в парадной форме я. Прямо с задания, не успел ничего...

Но тут старшина увидел, что из президиума к нему идет Калинин. Михаил Иванович взял Степана за плечи и долго смотрел ему в глаза. Потом расцеловал – троекратно, по-русски.

– Ты в зал посмотри, старшина, – сказал он негромко. – Там вся твоя парадная форма стоит. Все их награды – твои, можно сказать.

Нефедов повернулся, и у него перехватило дыхание. Сжимая коробочку с орденом, сквозь пелену, от волнения застилавшую глаза, он увидел, как тут и там по залу встают люди. Десятки людей. Разных званий и родов войск, офицеры и солдаты – все они смотрели на Степана и молча, стоя по стойке «смирно», отдавали ему честь.

Старшина беспомощно оглянулся на Калинина и тут же снова стал смотреть в зал. Теперь он увидел, что сбоку отдельной группой стоят Охотники.

Каждого из них он знал в лицо.

Последние солдаты особого взвода, раскиданного по всей стране и собранного в Кремле, смотрели на своего командира.

А он, словно слепой, осторожно спускался со сцены, не отводя от них глаз.

11. Простая работа

Майора Половодова взяли ночью. Тихо и без шума. Взяли вместе с его ППЖ – «походно-полевой женой», связисткой из штаба полка. Ничего не подозревающий Половодов спал сладким сном на топчане в своей офицерской землянке, когда выбитая дверь грохнула об стену и несколько черных фигур мгновенно окружили парочку. Разбуженный майор некоторое время тупо смотрел в дуло пистолета, сунутое ему прямо под нос, суматошно вдыхая запах смазки и пороха. Потом обмяк, сел, свесив ноги в кальсонах на пол и обхватив худые плечи руками. Связистка, прикрывшись одеялом, неподвижно смотрела на обступивших топчан, чуть прищурив немыслимой синевы глаза, в которых не было и тени страха. Красивая девка, ничего не скажешь. Два месяца назад Половодов приметил ее среди пополнения, прибывшего в полк, и тут же, что называется, «положил глаз».

И не он один. Многие пытались завести с Натальей скорый фронтový роман, да никому не удалось. Лешка Шутов из разведроты, известный на весь полк красавец и ухажер, даже хлопнул по рукам с друзьями, что не пройдет и недели, как переспит с девчонкой. Однако, после того не прошло и пяти дней, и однажды под утро Шутов явился в роту злой как черт и с огромным синяком под глазом. На все вопросы и смешки дружков отвечал только матом, а успокоившись, махнул рукой:

– Ну ее к черту! За проигранный спор расплачусь и больше чтоб не спрашивали ни о чем!

А вот Половодову удалось. Ни ростом, ни статью не вышел майор – самый обычный, худой как жердь, на носу металлические очки. Командовал майор секретной батареей, которая стояла в лесу, куда хода не было никому из полка. Большой, в несколько километров, участок леса был со всех сторон утыкан постами, которые чуть что – открывали огонь на поражение. Правда, и так понятно было, что где-то в этом лесу стоят реактивные установки – «Катюши», да не обычные «Катюши». Откуда были такие слухи – особисты так выяснить и не смогли. Обычные солдатские разговоры – кто-то где-то слышал, а может, и сам придумал.

Секретная батарея показала себя осенью, когда сумела остановить прорыв немцев, подкрепленных адскими гончими.

«Царица полей», зарывшаяся по самые зубы в землю, уже изнемогала под натиском врага, еще чуть – и сомнут, и не остановить тогда будет... Но по небу вдруг ширкнули огненные стрелы, словно сам древний Перун сошел помочь своим славянам.

От грохота можно было сойти с ума. А впереди, в самой гуще немцев, всколыхнулась и закипела земля, словно в чертовом котле разбрызгивая ошметки горячей лавы. Там, внутри зыбкой синей стены, маревом дрожащей в каких-то метрах от окопов, плавилась сталь и горел воздух – но на солдат по-прежнему дул холодный октябрьский ветер, будто и не было ничего. Потом синяя стена рухнула внутрь и все накрыл непроглядный мрак, разом обрезав крики и жуткий нелюдской вой.

После боя из расположения батареи молчаливые санитары выносили закрытые с головой тела. На одних носилках ветер трепанул брезент, откинул угол, откуда бессильно свесилась рука – и остолбеневшие солдаты, прежде чем прозвучал резкий окрик особиста, успели заметить обтянутый высохшей кожей череп, словно бы человек голодал до самой смерти. С узкой ладони свисала серебряная цепь, увешанная непонятными знаками. Солдат разогнали по блиндажам, но было уже поздно – по окопам пошла гулять история о том, как на секретной батарее наши маги собственной жизнью пожертвовали, чтобы по сильнее заклясть чудоснаряды, которые спасли полк.

Пару-тройку таких болтунов забрали в особый отдел, откуда они потом вернулись тихими и мочаливыми, словно воды в рот набрали. На том все и закончилось.

Как в землянке у майора Половодова появилась эта самая Наталья – никто даже и не заметил. По всем правилам, должен был майор жить в расположении своей батареи и носа оттуда не показывать. Но, видимо, были у него связи в штабе – и жил Половодов неплохо, чуть ли не каждый день ездил на «виллисе» в ближайший городок, откуда возвращался ночью, да еще и под хмельком. До поры до времени никто на это не обращал внимания. Даже когда связистка каждое утро стала выходить из блиндажа майора, и то – позубоскалить на эту тему среди простых солдат много желающих не нашлось. С утра до ночи шло строительство новой оборонительной линии, ожидалось затяжные бои. Тяжесть сырой земли на лопате – вот и все, что в такие дни помнит каждый, кто не при кухне, да не сидит на «губе».

Потом с Половодовым и вовсе стало твориться что-то неладное. Днями он молчал, глядел покрасневшими от недосыпа глазами в одну точку, невпопад отвечал на вопросы. И еще больше похудел, так что китель висел на нем уже как на вешалке.

– Да что вы мне все майором тычете? – раздраженно отмахнулся комполка Севастьянов, когда ему доложили о странностях Половодова. – Меньше по ночам надо!.. – и полковник загнул крепкое словцо, хлопнув по столу ладонью.

Следующей ночью был авианалет. Земля встала дыбом и полковник, вытряхнутый из кровати, дрожащими пальцами застегивал рубаху, когда в распахнутую дверь, светя себе фонариком, без стука вбежал начштаба.

– Товарищ полковник! Бомбят!

– Слышу, что не в ладушки играют! – заорал в ответ Севастьянов и выскочил на улицу.

Горела роща, в которой стояла секретная батарея. Факелами вспыхивали березы и среди всего этого хаоса металась и орали люди, пытаясь что-то тушить. Что-то взрывалось и с треском полыхало, застилая рощу клубами черного дыма.

– В душу мать! – скрипя зубами, выматерился полковник. – Батарея! З-землю рой, начштаба, но чтобы батарея цела была! Сам! Сам иначе рядовым пойдешь!

– Цела ваша батарея, – спокойно произнес кто-то позади, негромким вроде бы голосом перекрыв треск огня и крики людей. Севастьянов яростно обернулся, уже готовый разорвать наглеца голыми руками, – и наткнулся на холодный взгляд серых глаз. Небрежно оперевшись на стену блиндажа, позади стоял невысокий человек в черном глухом комбинезоне. На бедре у него висела кобура с пистолетом. Человек перекатывал из угла в угол рта травинку и безмятежно глядел в наливающееся гневом лицо комполка. Угадав настроение полковника, сбоку подскочил начальник штаба и закричал:

– Кто такой? Отвечать... старшина! – еще повысил он голос, углядев погоны, освещенные бликами огня. – Быстро!

Ободренный молчанием в ответ, начштаба расстегнул кобуру, уже готовый выхватить свой «ТТ».

– Тихо! – вдруг схватил его за руку Севастьянов. Пораженный майор разжал пальцы на рукояти пистолета, а полковник, уже не обращая на него внимания, пристально всмотрелся в лицо старшины, который стоял так же, не изменив позы.

– Товарищ старшина... – начал было он, но тут неизвестный вытянулся по стойке «смирно» и четко произнес:

– Старшина Нефедов, командир особого взвода, прислан по приказу командования...

– Так. Понятно, – кивнул большой, всклоченной со сна головой Севастьянов. Помолчал и спросил:

– Охотники?

– Так точно, – отозвался старшина Нефедов, прищуренными глазами разглядывая горящую рощу.

Начштаба судорожно вздохнул и осторожно застегнул кобуру. С Охотниками лучше было не связываться. Он отступил на шаг, стараясь стать незаметным – впрочем, на него и так уже никто не обращал внимания. Полковник по-прежнему не отводил взгляда от старшины.

– Поясни, Нефедов, – спросил он наконец, – как это – батарея цела?

– Обыкновенно, – отозвался старшина и снова оперся плечом на бревно стены. – Мы ее вчера перебазировали. Без шума и пыли. Оставили только маскировочные сети, да часовых не стали снимать.

– Так вы что ж, знали о налете?

– Знали.

– И... кто? – в голосе Севастьянова скользнуло жадное и хищное нетерпение, а пальцы рук скрючились, как когти. Степан Нефедов понял и усмехнулся краем губ.

– И это знаем, товарищ полковник. Сегодня возьмем. Даже, – тут он поддернул рукав и поглядел на светящийся циферблат часов, – даже уже взяли.

– Кто? – выкрикнул комполка.

– Майор Половодов, – спокойно, рубя фразы на короткие куски, сказал старшина. – Он вашу батарею рассекретил. С большой охотой притом. Но ему помогли это сделать. Ее мы тоже должны взять.

– Связистка? – только и спросил Севастьянов, обессиленно потирая широкую грудь, заросшую седым волосом. Нефедов кивнул.

– Она. Опоздала самую малость. Если бы сумела передать раньше... труба вашей батарее.

Он снова поглядел на часы и козырнул.

– Разрешите идти, товарищ полковник? Дел много.

Севастьянов кивнул головой и в тот же миг старшина словно бы канул во тьму, растворившись в ней моментально и без остатка. Начштаба недоуменно заморгал глазами, всматриваясь в темноту и пытаясь понять – куда делся непонятный человек. Потом он решился и спросил:

– Товарищ полковник! Но вы ему не приказали доложить о следствии...

– Остынь, Иванов, – оборвал его полковник и сморщился, точно от зубной боли. – Они мне докладывать и не обязаны. Понял? А кому они докладывают – не твоего ума дело. Со своих ухарей лучше спроси!

Особый взвод взял майора с его связисткой тепленькими и без происшествий. Но потом в дело вмешался отряд СМЕРШ, командир которого, крепко сбитый лейтенант с орденой планкой на гимнастерке, заартачился и приказал немедленно отрядить связистку для допроса в его ведомство.

– Старшина! – зло проговорил он, когда Нефедов покачал головой. – Ты мне тут ваньку не валяй! Ваше охотничье дело понятно какое – взять кого скажут, повязать, стрелять без промаха! А допросы вести нам оставь.

– Майора заberi, – спокойно предложил ему старшина, не обращая внимания на двух сержантов-смершевцев, беспокойно переминавшихся у него за плечами. – Он и званием повыше, и батареей секретной командовал. Еще одну дырку для ордена провертишь заодно.

– Брось, старшина, – оскалился смершевец. – С Половодовым и так все ясно. Предатель, и точка. А вот связистка эта – она нам более интересна, шпионка потому что. Да ты не бойся, старшина, не бойся. Мы в расположении части допросим, все чин по чину.

С минуту Степан Нефедов молча смотрел ему в глаза, потом повернулся, оттолкнув плечом одного сержанта и зашагал прочь, на ходу бросив:

– Ну забирай, лейтенант. Нам для своих ничего не жалко. И ты не пожалей потом.

Двое суток прошло быстро. На допросах майор Половодов недоуменно бормотал что-то, озираясь по сторонам, словно человек, только что очнувшийся от тяжелого забытья. После

того как старшина Нефедов подробно рассказал ему, как и когда командир батареи рассекретил свое подразделение, Половодов дико посмотрел на него и вдруг рухнул на колени, пытаясь поймать руку отшатнувшегося старшины.

– Товарищ... товарищ старшина! – заговорил он торопливо, давясь словами. – Товарищ старшина! Я все подпишу! Я предатель, конечно... а что с Наташей? Что с ней будет?

– Забудь о ней, – жестко проговорил Нефедов, – ты ее больше не увидишь. Тебе, майор, теперь не об этом надо думать.

Но Половодов не слушал. Он обхватил голову руками и теперь раскачивался, тихо мыча и глядя расширенными глазами на стену, словно видел там что-то, другим недоступное. Впрочем, это было уже не важно. Вызванному наряду Нефедов приказал доставить майора в город и сдать в распоряжение НКВД вместе с подписанными протоколами. Сам он вышел из душного блиндажа, закурил и вдруг почувствовал страшную усталость, словно эти несколько дней таскал бревна или мешки с песком...

Лег прямо на брезент, кучей валявшийся около окопов, растянул ремень и тут же провалился в сон, словно в черный омут без сновидений.

Проснулся старшина оттого, что кто-то осторожно тряс его за плечо. Как всегда мгновенно вытряхнув себя из сна, Степан сел и провел ладонью по лицу, стряхивая налипшую осеннюю паутину. Над ним стоял тот самый лейтенант из СМЕРШ – только сейчас он выглядел усталым и чем-то расстроенным, у губ залегли резкие складки. Нефедов молча поднялся и вопросительно поглядел на него.

– Здорово, старшина, – нехотя, сквозь зубы, сказал смершевец. – Похоже, прав ты оказался. Чертова связистка! Допрашиваем ее, допрашиваем – как заговоренная. Да и вообще чертовщина творится! Двое наших начали ее колоть, потом пришли с допроса и разом свалились – один с сердечным приступом, а второй как в лихорадке. Оба здоровые мужики... Ерунда какая – то! – в сердцах выкрикнул он, рубанув ладонью воздух.

– Это потому, что вы с ней как с человеком... – пробормотал Степан, снова затягивая ремень. Лейтенант остолбенело смотрел на него, приоткрыв рот как мальчишка, которому только что рассказали страшный секрет.

– Пойдем, – резко сказал Нефедов и, не дожидаясь, скорым шагом двинулся вперед.

– Сюда, – хмуро произнес лейтенант и рывком открыл тяжелую дверь. Заходя следом за ним, Степан поморщился – спертый воздух шибанул как молотом.

Потом он пригляделся. У стены стоял большой стол из чисто оструганных досок, на котором горела лампа в абажуре и были аккуратно сложены серые папки с какими-то делами.

Связистка сидела на табурете, у противоположной стены в углу – и смотрела на них. Сложив руки на коленях, чистая и безмятежная, в как будто только что отглаженной гимнастерке и юбке. Смотрела своими ярко-синими глазами и кривила губы в презрительной усмешке, от которой ее лицо почему-то казалось только красивее. Взбешенный особист, которому вся кровь бросилась в лицо, резко шагнул к ней, вскидывая кулак.

– Ах, ты!.. – и тут же бессильно уронил руку, когда Наталья рассмеялась – словно горсть серебряных колокольцев рассыпали по полу. В этом смехе было что-то завораживающее, и смершевец невольно сделал еще шаг вперед.

На плечо ему легла твердая ладонь.

– Стоять.

Он не послушался, и тогда ладонь больно сжалась клещами, а неприятный голос снова повторил:

– Стоять, я сказал! Отойди, – и лейтенанта откинуло к дверям, крепко приложив спиной об доски. Он выругался и тут же опомнился, широко раскрытыми глазами глядя на мрачного Нефедова.

– Знаешь, что? Погуляй-ка ты, командир, за дверью, своих проведай. Заскучали поди. Кто это начертил? – вдруг спросил он, ткнув пальцем в прорезанную чем-то острым на земляном полу глубокую линию, размеченную символами. Линия замыкала стул, на котором сидела женщина, в полукольцо – от угла до угла.

– Это... наверно, сержант Плахтин. Он всегда так делает, сколько раз я ему говорил...

– Толковый парень, – задумчиво хмыкнул Нефедов. – Надо бы его за такое поощрить. А ты иди, лейтенант, иди.

Когда ошеломленный и возмущенный смершевец послушно закрыл за собой дверь, Степан закурил и повернулся к связистке. Она по-прежнему сидела не шевелясь, но теперь в ее взгляде сквозила злоба и... что-то еще, похожее на опасение.

– Говори, – равнодушно сказал старшина, присев на стол. Наталья вдруг рванулась с табурета, ударилась обо что-то невидимое и зашипела. В этом не было ничего человеческого – словно смертельно ядовитая змея металась перед человеком, не в силах покинуть круг. Нефедов молча курил. Когда связистка снова затихла и с каменным лицом уставилась в пол перед собой, он аккуратно задавил окурок в пепельнице и встал.

– Ты – суккуб, – сказал он. Это не было вопросом, и ответа не последовало. Да Степану он был и не нужен.

– Я думал, вас таких давно не осталось. Ошибка вышла, значит. Долго разговаривать мне с тобой не о чем. Выбора у тебя два. Или рассказываешь все, что знаешь, называешь всех, с кем связана: позывные, время выхода в эфир – и тогда отправляешься в тыл под защитой моих Охотников. Волос с головы не упадет, обещаю. Или вариант второй – ты расскажешь все, что знаешь. Но уже не сама, а принудительно. Принудить я тебя сумею, опять же обещаю. Потому что ты не женщина, да и вообще не человек. И работать, значит, с тобой можно не по-человечески. Ясно?

– Да кто ты такой?! – крикнул вдруг суккуб и расхохотался. – Ты что, думаешь, что напугал меня? Чем ты хочешь меня убить, человек? Пулей? Ножом? Сейчас я пока питаюсь страхом этих идиотов. Они делают меня сильнее. К сожалению, один из них оказался чуть поумнее остальных.

– Это точно, – кивнул головой старшина, скучающе осматриваясь по сторонам, – поумнее.

– Ничего, – оскалилась Наталья, – я все равно выйду из вашего круга. И тогда...

– И тогда ты в него снова войдешь и будешь сидеть там столько, сколько я скажу, – медленно оборвал ее Степан. – Или там же умрешь. Ты вообще знаешь, кто я такой?

Суккуб снова зашипел – яростно, оскалив удлиняющиеся на глазах клыки. И тут старшина Нефедов метнулся к ней, размываясь в полете, на ходу достав словно бы из ниоткуда длинный черный клинок. Он пересек черту, неуловимым движением повернулся и приставил нож к горлу существа.

– А! А-а! А-а-а!!

Мучительный крик, перерастающий в страшный визг, заполнил все помещение. Суккуб выл и судорожно дергался всем телом, не в силах пошевелиться. На лбу у него злым светом наливалась медная пластинка амулета, словно бы вросшего в кожу. Черное лезвие, прижатое к шее, медленно багровело. Потом Степан поднес нож к лицу Натальи.

– Знаешь, кто я? – голос его был по-прежнему спокоен.

– Н-нет! – содрогаясь, прохрипела она, пытаясь откинуть голову назад.

– Нет? Точно? А помнишь Суу-Л'ира, – спросил старшина, глядя в черные глаза без белков. – Брата твоего? Помнишь, я вижу... Еще бы, он же, как и ты, работал на немцев. Только в нашем тылу. Красивый такой летчик-капитан, грудь в медалях. Человеческое имя, понятное дело, было у него другое. Все жены большого начальства от него с ума сходили. Помнишь?

Он отступил на шаг.

– Мне пришлось его убить. Вот этим ножом, другой бы просто не взял. Слушать меня! – чуть повысил голос Нефедов, глядя как голова связистки бессильно клонится вперед. – Убить *насовсем*. В пыль. Так, что ему больше не воскреснуть. Ты этого же хочешь? Твой брат был нелюдь, и умер как нелюдь. И как дурак. Ты тоже?

– Нет... – замотала головой связистка, – Нет! Я... нет! Я знаю тебя! Я сделаю все что скажешь, я хочу жить!

– Понятное дело. Все хотят, – пожал плечами Нефедов и отступил обратно за черту, сорвав медную пластинку со лба Натальи. Нож из его руки исчез так же мгновенно, как и появился. Старшина снова сел на стол и спросил:

– Значит, контакт можно считать налаженным?

Наталья кивнула, сгорбив плечи и неверными движениями длинных пальцев ощупывая исчезающий ожог на шее.

Старшина устало вздохнул и зевнул во весь рот.

– Не выспаться мне со всеми этими делами, – пожаловался он сам себе. Подошел к двери, распахнул ее и крикнул:

– Эй, лейтенант! Ты где там? Заходи...

12. За махорку

Ночной дождь кончился. От мокрой земли под лучами солнца поднимался легкий парок, последние ручейки еще стекались в лужи, высыхая на глазах.

Косарь пошарил в сумке, достал оттуда брусок, несколькими легкими касаниями поправил лезвие своей «литовки» и спустился с обочины на луг. По сапогам хлестнули перья мокрой травы, стегнуло холодком. Он поплевал на руки и замахнулся. Коса тонко запела, укладывая траву ровными рядами. Плавное, не торопясь, двигался косарь по луговине, оставляя за собой темный след.

Утомился он не скоро – оторвался от косьбы только тогда, когда почувствовал, что солнце вовсю начинает припекать затылок. Тогда он аккуратно обтер косу пучком травы и прислонил ее к березке, одиноко стоящей посреди луга. Широким шагом направился назад, к дороге. Взял сумку, достал оттуда узелок с едой и уселся на камне, отмахиваясь от появившихся уже оводов, нацелившихся на широкую спину под пропотевшей рубахой.

Позади послышался громкий шлепок и короткий матерный возглас. Косарь обернулся, прожевывая хлеб, и увидел, как невысокий человек в военной форме смахивает грязь с галифе. Левая рука у него висела на перевязи, рядом на земле валялся тощий вещмешок и палка с набалдашником из оленьего рога.

– Помочь, браток? – спросил косарь, поднимаясь с камня. Военный глянул на него, наклонился, чтобы поднять мешок и тихо охнул, хватаясь за колено. Крепкая рука подхватила его под локоть, не давая упасть.

– Спасибо, – уголком рта улыбнулся человек, опираясь на палку, – ты понимаешь, какое дело... Вроде как из госпиталя-то выписали, да не долечили еще. Наука, что с них возьмешь! А мне в часть надо, вот и добираюсь еще с ночи, хромаю потихоньку. Колено разрабатываю. Пока до Волоколамска доберусь, глядишь, и вечер будет. Да и дорога тут, я тебе скажу – то ни одной машины, то все груженные под завязку и пассажиров не берут. Свернул на проселок, решил, что так ближе будет. Да не туда свернул, похоже. Заблудился.

Он протянул руку.

– Степан.

– Михаил, – отозвался косарь, пожимая мозолистую ладонь, про себя отметив, что старшина (по погонам заметил), по всему виду – мужик жизнью битый, не тыловик, хотя орденских планок и не видно. Зато нашивки за ранения на пол-рукава. Пошарил глазами, поискал знаки рода войск, но не нашел. Непонятный старшина.

– Ты чего здесь, Михаил? От деревни вроде далеко, да я тут и деревень-то давно уж не видел.

– Там деревня, за лесом, по другой дороге. Березовая Грива, – махнул рукой мужик, продолжая рассматривать Степана с ног до головы. Тот заметил это, улыбнулся шире, блеснула металлическая коронка.

– Любопытствуешь?

– Да как сказать... Нечасто здесь военные появляются, в наших-то местах.

– А что здесь такого, в ваших местах? – заинтересовался старшина, присаживаясь на камень и вытянув больную ногу перед собой. Он пошарил по карманам и огорченно сплюнул.

– Вот зараза! Папиросы в госпитале забыл! Всю ночь не до курева было, а сейчас захотелось – и на тебе! Эх-х...

– Махру курите, товарищ старшина? – хохотнул Михаил. – Если да, то у меня с собой найдется.

– Здорово! – обрадовался Степан, доставая из нагрудного кармана зажигалку – старую, побитую, из латунной гильзы от трехлинейки. – Махра, брат, это даже получше, чем папиросы. Первое дело от усталости!

Михаил бросил ему на колени увесистый кисет и поднялся.

– Пойду за литовкой схожу.

Когда косарь вернулся, старшина уже свернул толстую, с большой палец, самокрутку и теперь дымил, блаженно прикрыв глаза и жадно затягиваясь, словно ядреный самосад и на самом деле был для него лекарством от всех болезней.

– Так что здесь, в ваших местах, такого? – повторил он вопрос. Михаил хотел было отмахнуться, перевести все в шутку, но вдруг наткнулся на взгляд из-под век. Острый и внимательный, он царапнул, словно когтем, и шутить отчего-то расхотелось, хоть старшина и улыбался по-прежнему добродушно.

– Да... чего тут? Гиблые здесь места, – неохотно отозвался Михаил, постукивая брусом по лезвию косы. – Нехорошие.

– Интересно, – Степан снова затянулся, самокрутка яростно потрескивала, выпуская огромные клубы сизого дыма. – Гиблые, говоришь? А вроде ничего, красиво, и леса не топки, сосны да березняк, редко где елки попадаются. Сам сказал, даже деревня твоя – Березовая Грива. И часто гибнут здесь?

– По весне двоих волки загрызли. Приезжие, из района. Переписывать приезжали население. Капитан какой-то, а с ним девчонка молодая совсем. Волки их порвали, в лесу дело было – машина у них встала, мотор заглох.

– Волки? – переспросил Степан настороженно. – Или?..

Михаил помрачнел, опустил косу, глянул исподлобья. Старшина почувствовал, что задел мужика своими словами. Непонятно было только – с чего он так напрягся.

– Волки. Кому больше? После этого комиссия приезжала, разбирались. Всех мужиков в сельсовет перетаскали, спрашивали, что да как, да не было ли каких обид... Так и уехали ни с чем. А чего тут решать, если и так ясно, что волки! Одни кости оставили на дороге.

– Понятно, – Степан неопределенно хмыкнул и начал подниматься, опираясь на палку, – ладно, Михаил, спасибо тебе за махру. Добрая махорка. Отдохнул я, теперь дальше пойду. Ты мне только расскажи, куда точно нужно идти, чтоб до Волоколамска добраться.

– Погоди, старшина, – косарь придержал его за рукав. – Ты вот что... Давай-ка я тебя подброшу до шоссе. У меня лошадь с телегой вон там на опушке. Все веселее, чем пешком. Да еще раненому.

– Это точно! – охотно согласился старшина, вскидывая на плечо вещмешок. – Ну, давай свой гужевой транспорт!

До шоссе они добрались через час с небольшим. Пегая лошадка, хоть все время всхрапывала и озиралась, но бежала ходкой трусцой, и Степан, которого под ярким солнцем сморил сон, очнулся только тогда, когда Михаил осторожно потряс его за плечо.

– Вставай, старшина, – сказал он, – приехали.

Телега стояла на проселке у самого выезда на шоссе, по которому туда-сюда сновали грузовики.

– Вон, в той стороне Волоколамск. Сейчас быстро доберешься, – показал Михаил и стал разворачивать лошадь.

– Спасибо, Миша, – старшина пожал ему руку и добавил, усмехнувшись: – Добрая у тебя махорка, добрая. В голове от нее аж звенит.

– Давай-ка, я отсыплю, – добродушно гуднул мужик и не слушая возражений, быстро пересыпал в чистую тряпицу чуть ли не половину кисета. Потом чмокнул губами и легонько стегнул лошадедку вожжами. Телега скрипнула и покатилась по проселку.

Степан поглядел в широкую удаляющуюся спину, покрутил головой и рассмеялся, подбросив в руке махорку. Потом крепче сжал набалдашник палки и пошел на обочину, тяжело прихрамывая.

Холодный ноябрьский дождь мелкой дробью стучал по черной ткани комбинезона, капли стекали с нее не впитываясь, падали в переполненную водой губку мха.

Степан Нефедов провел по мокрому лицу ладонью и посмотрел на часы. Стрелки слабо мерцали в полумраке, показывая без пяти семь.

– Начинаем через пять минут, – сказал он не оборачиваясь, зная, что сейчас услышит за спиной. Тихие щелчки затворов, шорох задвигаемых в ножны кинжалов. Он протянул за спину руку ладонью вверх, и в нее легла обжигающе холодная, морозящая пальцы пластинка ударного амулета.

– Саан'трай. Марл'аарс нист'са! – скомандовал Степан на языке альвов и краем глаза увидел, как несколько темных силуэтов мгновенно стали просто тенями среди деревьев, исчезая в сплетениях еловых ветвей. Последний звук – шелест затвора снайперской винтовки. И снова тишина...

Полковник Иванцов был спокоен. На этот раз – на самом деле. Стоя на пороге, старшина внимательно посмотрел на него – не нервничает, иначе бы давно грыз длинный янтарный мундштук и курил одну за одной «Герцеговину Флор». Спокоен – значит, задание простое. Или... полковник все давно спланировал и решил.

– Проходи, Степан, – Иванцов махнул рукой в сторону стола с расстеленной на нем картой, – садись. Как ранения?

– Порядок, товарищ полковник. Уже и не помню про них – только когда погода плохая, сразу побаливать начинают. Лучше всякого барометра.

– Побаливать... – проворчал полковник. – Знаем мы такое. Гордые все, никто долечиваться не хочет, все на авось да небось надеются.

– Да нет, товарищ полковник, – усмехнулся Нефедов, – на авось мне уже поздно, остается только на медицину. Народную.

– Нелюдскую, – уточнил Иванцов и хмыкнул, – ну да лишь бы на пользу... Ладно, Степа. Речь не о том. Посмотри на карту.

Старшина вгляделся в россыпь топографических знаков, и некоторое время разглядывал карту из края в край. Потом вопросительно поднял глаза на полковника.

– Волоколамский район? – осведомился он, доставая пачку папирос. Щелкнул зажигалкой и закурил, не спрашивая разрешения. Впрочем, Иванцов не обратил на это внимания – они двое знали друг друга слишком давно.

– Точно так, – кивнул полковник, который тоже закурил и теперь, морщась, разгонял дым широкой ладонью, – а если еще точнее, то несколько деревень в полусотне километров от него. Здесь и здесь. Особенно нас с тобой интересует вот эта – Березовая Грива называется. Ты что, Степан?

– Березовая Грива, во-он как, – протянул Нефедов, выдыхая дым к потолку, – был я там. Можно сказать, что и недавно совсем. В июле, когда из госпиталя возвращался. Хорошие леса. И что там случилось?

– Случилось вот, – Иванцов устало зевнул. – Волки там случились. Не простые волки, Степан, как ты понимаешь.

Нефедов выжидающе молчал, и полковник, справившись с зевотой и растирая красные глаза, рассказал, что два дня назад в этом районе было совершено нападение на машину, перевозившую обмундирование и сапоги. Шофер, который сумел как-то отбиться от волков, привел машину – всю, от руля до крыши залитую своей кровью. А вот напарника его волки выдернули из кабины в один миг.

– Чего они тем проселком-то поперлись? – недоуменно спросил Степан. – Это же крюк километров в десять!

– Спекулировать сапогами хотели в деревнях, – неохотно объяснил Иванцов, потирая шею. – Крестьяне за хорошие сапоги да новую форму много чего дадут – и деньги, и самогон, и сало, и чего душа попросит...

– Понятно. И что, шофер так просто это и рассказал? Все на волков, значит, списал... Может он сам своего напарника и того – за деньги-то? Или с местными сговорился. Люди жадные бывают.

– Да он вообще ничего не рассказал, Степан, – кривя рот, точно от сильной зубной боли, сказал полковник. – Он и до Волоколамска-то не доехал, так на шоссе и помер. Его другие шоферы нашли. А как увидели, в каком он виде – сообщили куда надо. Таких зубов, которыми его порвали в лоскутья, у крестьян как-то, понимаешь, не бывает.

– Понятно, – Нефедов кивнул головой. – И что дальше?

– А дальше – на «разморозку» его...

На лице у Нефедова проступило отвращение. Он хорошо знал, что такое «разморозка». В НКВД могли разговорить всех. Почти всех, заставляя говорить быстро и охотно. Но кое-кто оставался в ведомстве магов военной разведки. Только там свежий, еще не окончательно окоченевший труп мог собственными устами рассказать о своей смерти. Правда, после этого мертвец неизбежно превращался в груды черного, дымящегося мяса, а ритуалы, которые при «беседе» использовались, могли довести впечатлительного человека до обморока и нервных припадков. Но в военной разведке таких нервных и впечатлительных не было. Степана, который видел и не такое, от «разморозки» просто подташнивало. Но он понимал, что по-другому нельзя. Поэтому и сейчас старшина только помолчал и снова спросил:

– Что он рассказал?

– Что волки были не просто волками. Что один превратился прямо на его глазах. А самое главное – что этот «волк» был из Березовой Гривы.

Степан переступил с ноги на ногу. Под сапогом что-то хрустнуло. Он опустил глаза и увидел на полу обломки янтарного мундштука. Нефедов ошибался – полковник Иванцов вовсе не был спокоен. Степан быстро повернулся.

– Что еще, товарищ полковник?

– Вчера туда была послана опергруппа армейской разведки... Пятеро наших... – полковник цедил слова сквозь зубы, постукивая кулаком по столу. – Им было приказано выявить и ликвидировать источник... опасности. Не вернулся ни один. Пятеро, Степан! Там сплошные оборотни! – Иванцов сорвался на крик, но тут же снова каменно замер, перекачивая желваки на скулах.

Нефедов молчал. Пятеро оперативников вполне могли справиться со всем населением деревни. Если только... это население было человеческим. Полковник продолжил совсем тихим голосом:

– Был переломлен амулет связи. Понимаешь, что это значит?

– Их убивали, – бесстрастно кивнул головой Нефедов.

– Последний оперативник сумел передать только это, про оборотней, и связь прервалась окончательно. И вот что, Нефедов. Это – наше дело. Я о нем Москву не информировал, и чекистам я его не отдам, ясно? – Иванцов уже не говорил, а рычал сквозь стиснутые зубы, комкая в руке сломанную папиросу. – Не отдам, Степан! Бери своих – и туда. Действуй по обстановке. Все полномочия твои, остальных посылай на хер!

В деревню вошли с четырех сторон. Над острыми скатами крыш висела огромная, сумасшедше-багровая луна.

Полнолуние, вторая ночь.

И ни огонька в окнах, ни отблеска лампы, ни лая собаки, учуявшей незваных гостей. Альвы скользили в тени заборов, их снайперские винтовки, обмотанные косами, сплетенными из травы, не блестели. Тишина.

Степан прислонился к стене дома и осторожно выглянул из-за угла. Сначала ему показалось, что на площади клубится бесформенная серо-черная масса, словно тени водят друг за другом хоровод. Потом он понял и похолодел, одновременно опускаясь на одно колено.

Это были волколаки. Двадцать... тридцать... пятьдесят? Больше. Наверно, все население Березовой Гривы кружило здесь, под луной – взрывкая, на ходу обрастая шерстью, скаля клыки. В середине дьявольского круга стоял человек. Совсем голый, перемазанный черной кровью, он держал над головой толстую книгу и нараспев выкрикивал:

– Во черном поле, на перекрестке, лежит бел-горюч Алатырь-камень! Кто к камню подойдет, камень тот отогреет, кровавый ключ отворится, чтоб крови напиться...

Степан огляделся по сторонам и увидел деревянную лестницу, приставленную к чердаку. Он бесшумно и осторожно взобрался наверх, на самый конек. Человек на площади, окруженный звериным клубком, продолжал выкрикивать слова. Шар луны пламенел уже невыносимо, иглами впиваясь в зрачки. С него словно капала кровь, проливаясь на землю.

Нефедов переломил пластинку амулета. На него обрушилось морозное облако, заискрилось вокруг тысячами снежинок, опадая на плечи. Шепотом проговаривая заученную наизусть строку, он чувствовал, как леденеют губы, отказываясь двигаться, как мир вокруг замедляется, превращаясь в вязкий кисель звуков и движений. Толпа на площади взывала в один голос, но этот вой растянулся, дробясь на тягучие звуки: «У-у-о-о-а-а!». Покрытый кровью человек пошатнулся, уронил черный том и сжал руками голову, падая на колени. Холод стал невыносимым, подбираясь к самому сердцу. И тогда Степан выстрелил. Красные брызги веером повисли над площадью. Обезглавленное тело рухнуло и задергалось в конвульсиях. Волколаки стали поворачиваться на него – медленно, выдираясь из пут заклинания. Послышалась скороговорка выстрелов. Каждая серебряная пуля выжигала огромные дыры в плоти, отбрасывая оборотней в пыль, кувыряя тела по площади. Вой достиг невыносимой высоты, постепенно ускоряясь, мохнатые силуэты заматались все быстрее, но их было уже слишком мало, чтобы успеть напасть, чтобы прорвать слабеющий круг холода.

Последний оборотень грохнулся в пыль и умер, сипя и вздрагивая. Тогда Степан соскользнул с лестницы и бегом кинулся на площадь. Альвы были уже там – равнодушно работали кинжалами, отрезая головы людям, с которых сыпались последние остатки шерсти. Здесь были все, от мала до велика. Нефедов глядел на груды тел и чувствовал, как на него наваливается свинцовая усталость.

– Командир! – рядом появился один из солдат. – В деревне больше никого. А вон там один живой остался. Пуля мимо прошла, но сбежать он не успел.

– Пойдем, – хмуро буркнул Степан. Он шел мимо трупов, и настроение портилось с каждым шагом. Нефедов понимал, что иначе никак нельзя – волколак, однажды попробовавший крови, нормальным не станет никогда, и человеком его считать можно будет только до следующего полнолуния, когда жажда крови снова обернется безумием зверя. Но лучше от этого не становилось, потому что среди убитых были дети и женщины.

– Чертова мать! – выругался Степан. – Жаль, что я этой сволочи башку отстрелил сразу!

Он пнул книгу, валявшуюся около разрисованного кровью тела, и перешагнул через него, направляясь туда, где трое альвов, стоя неподвижно, держали на прицеле крепкого мужика, вжимавшегося спиной в бревенчатую стену.

– Так, – не доходя пары шагов, Нефедов остановился и пригляделся. Потом присел на корточки:

– Кого я вижу. Никак Михаил?

Белый от страха мужик, челюсть которого мелко тряслась, судорожно кивнул, обхватив грязные плечи руками. Альвы пристально глядели на командира, ожидая приказа. Стволы их винтовок не шевелились, мертво уставившись в лицо недавнему оборотню.

– Вот, значит, почему места у вас гиблые, – презрительно усмехнулся Нефедов, снова поднимаясь на ноги. – Волки шалют, значит?

Он сунул руку в карман, нашаривая папиросы.

– Ну, раз так – извини.

Альвы отошли на шаг, вскидывая винтовки. В это время пальцы старшины нащупали в кармане что-то мягкое. Он вытащил замызганную тряпицу, встряхнул ее – на землю посыпались крошки табака. Степан бросил тряпку под ноги и досадливо посмотрел на мужика.

– Хороша у тебя была махорка, Михаил! Получается, придется мне добром за добро отплатить.

Старшина вздернул плечи и замер, глядя в черные, без зрачков, глаза одного из снайперов. Думал он недолго.

– Ладно. Ведите его в машину, отвезем в Волоколамск. Пусть там с ним разбираются, у нас и своих дел по горло.

Помолчал и добавил:

– Не иначе, бог тебя надоумил такую махорку вырастить... Миша. Зачистить здесь все!

13. На то и война

Он открыл глаза.

Ничего не изменилось. Кругом была непроглядная темнота, и сколько он ни напрягал зрачки, нигде не было ни единого отблеска света. Провел рукой по лицу. Ладонь стала мокрой – непонятно, то ли кровь, то ли просто вода. Потом он вытянул руку вперед и медленно пошел, пока обожженная ладонь не уткнулась в холодный камень стены. Под ногами что-то звякнуло. Степан присел и вслепую пошарил вокруг. Пальцы сомкнулись на знакомой рукояти кинжала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.